

Василий Куприянов

Давайте
целуёмся

12+

Василий Куприянов
Давайте улыбнемся

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Куприянов В.

Давайте улыбнемся / В. Куприянов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Короткие рассказы из жизни обычного человека. Учеба, работа, семья, Зарисовки из девяностых, Цикл Русские инженеры. Армейские рассказы. Паломнические истории. Главная мысль книги - Если хотите жить долго - всегда улыбайтесь. Особенно это стало актуальным во время пандемии. Ни коронавирус, ни депрессия не выстоят против такого мощного оружия, как наши улыбки. Об этом следует не забывать.

Содержание

Предисловие	5
Улыбки	6
Праздник Октября	10
Проводник	12
Англичане	15
К вопросу о русской лени	17
Цех	19
Адвокат	22
ГИПов надо любить	25
Амарант	30
Вкусный рассказ	32
Забавные истории	35
Наши спасители	36
Кровать	37
О смиренности	38
Поиск пристанища	39
Образцовый пешеход	40
Твердость духа	41
Профессионалы. Рабочие	42
Иваныч	42
Рева	43
Резьба Витворта	44
Александр	45
Юра и Паша	47
Профессионалы. Русские инженеры	49
Саша Щучкин	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Предисловие

В этой книге собраны в основном забавные и веселые истории из жизни рядового человека, прожившего в развитом социализме и живущего сейчас, во времена недоразвитой демократии. В этих коротких зарисовках отображены основные периоды жизни любого человека. Студенчество, семья, дети, внуки, работа, много работы, армейский период, байки из девяностых. Большой раздел о блестящих профессионалах, русских инженерах, которыми можно гордиться и с которыми мне приходилось общаться.

Без юмора сейчас очень сложно жить. Поэтому основная задача автора определена в названии книги. И главное, чтобы при ее прочтении читатель обязательно улыбнулся и не раз. И, конечно, нужно помнить призыв Янковского-Мюнхгаузена:

«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!»

Василий Куприянов

Улыбки

Антуан. Я довольно поздно познакомился с литературным творчеством Антуана де Сент-Экзюпери. Был уже студентом, кажется, пятого курса Ленинградской Техноложки¹. Ну, естественно, что я начал читать первым, был «Маленький принц». Прочитал на одном дыхании, посидел, почесал «репу» и, вернувшись на первую страницу, перечитал еще раз. Читать-то я любил, но здесь был просто ошарашен той добротой, которой пронизано все это произведение.

Издана эта книга была в середине пятидесятых и, пожалуй, была первым произведением писателя, попавшим в Союз. В небольшом предисловии было сказано и о личности автора. Там приводится один эпизод из жизни журналиста, пилота и просто замечательного человека (так и просится добавить – комсомольца, спортсмена), под впечатлением которого я нахожусь до сих пор. А написано там было следующее. Во время войны в Испании патруль республиканцев задержал Антуана. Тот не знал испанского языка, и патруль, приняв Антуана за шпиона, собрался расстрелять его. Экзюпери долго и безуспешно пытался доказать начальнику патруля, что он журналист, но убедить его так и не смог. Его решили расстрелять на месте.

Антуану ничего не оставалось делать, как согласиться, а вместо последнего слова, он, приговоренный к высшей мере, попросил сигаретку, закурил, присел на камень и... Тут старший патруля вдруг резко изменил свое решение, повел задержанного в штаб, где все и выяснилось. Причина же, по которой начальник патруля вдруг изменил свое решение, была весьма проста. Когда Антуан, взяв сигарету, присел на камень, он еще и УЛЫБНУЛСЯ. По этой причине начальник патруля и объяснил в штабе, что человек с такой улыбкой не может быть плохим. Вот так счастливо все закончилось. Просто задумайтесь на миг, что может спасти жизнь человека.

Ну и после этой зарисовки просто необходимо процитировать этого удивительного человека, что я с удовольствием и делаю:

«Часто улыбка и есть главное. Улыбкой благодарят. Улыбкой вознаграждают. Улыбкой дарят тебе жизнь. И есть улыбка, ради которой пойдешь и на смерть».

Когда я учился в институте, у нас огромной популярностью пользовался «Устный журнал». Не помню, кто придумал такую затею – комитет комсомола или профком, но идея была очень хорошая. Раз в месяц на встречу со студентами приглашались актеры театров и кино, художники, режиссеры, студенты театрального, барды и другие интересные люди. Актальный зал вмещал человек семьсот, да не меньше сотни просто стояли в проходах. А студентов только дневного отделения было больше десяти тысяч, так что попасть на это популярное мероприятие было всегда затруднительно. Но ведь еще были желающие и из других питерских вузов, которые всеми правдами и неправдами пытались попасть на эти вечера.

Впечатляет даже простое перечисление участников этих встреч. Это были набравшие большую популярность в середине шестидесятых барды: Юрий Кукин, Евгений Клячкин, Владимир Высоцкий, Александр Городницкий. Артисты Кирилл Лавров и Ефим Копелян, режиссер Игорь Владимиров и другие. Было и еще очень много известных людей. Приглашенные буквально с первых минут чувствовали доброжелательную реакцию зала, сразу устанавливался контакт, и они легко раскрывались навстречу публике. Главное, что на этих встречах говорилось, так это то, чего невозможно было когда-нибудь прочитать в газетах или увидеть по телевидению. Выступления были поставлены просто. Сначала небольшой рассказ о себе, своем творчестве, а потом ответы на записки из зала. Обычно приглашалось три-четыре человека.

¹ Техноложка – Ленинградский Краснознаменный химико-технологический институт, ныне Санкт-Петербургский государственный технологический институт.

С Кириллом Лавровым произошел даже несколько забавный эпизод. Он начал свое выступление обычным рассказом о своей жизни. Все заслушались и не успели переправить ему записки. Закончив выступление и не обнаружив на столе листочков, он встал и сказал, что раз нет вопросов, то он откланивается. На одном дыхании весь зал выкрикнул: «НЕТ!!!» Сколько децибелов было в этом крике, не скажу, но думаю, что столько же, сколько будет в Лужниках, когда на чемпионате мира по футболу 2018 года сборная России в финале на девяносто пятой минуте забьет победный гол в ворота Северной Кореи. Естественно, на артиста немедленно обрушился шквал бумажек, и его очень долго не отпускали со сцены.

Донатас. Только что прошел знаменитый фильм «Мертвый сезон», и популярность Донатаса Баниониса взлетела на небывалую высоту. А перед этим был неплохой фильм «Никто не хотел умирать». Поэтому, когда прошел слух, что такой знаменитый актер согласился участвовать в «Устном журнале», то ажиотаж перед предстоящим событием был огромен. Я немного замешкался с добычей билета и остался не у дел. Хотя у меня и были друзья в редакции, которые обычно в подобных случаях мне помогали, но и те развели руками: раньше нужно было. Даже главный редактор, с которым я был в достаточно близких отношениях, сказал, что у него не осталось ни одного билетика. А ведь у него были все основания дружить со мной. Его невеста жила в нашем общежитии, и он неоднократно пользовался результатами моего кулинарного творчества. Уточка с яблоками, запеченная в духовке, делала меня вполне популярной личностью среди студенческой братии. Попасть на это пиршество в субботний вечер иногда было даже несколько сложнее, чем в «Журнал». Все-таки там был актовый зал на семьсот человек, а сколько душ могла вместить моя общежитская комнатенка на три организма? Оставалось уповать только на свою пронырливость и счастливый случай. Просто так обойти церберов, охранявших зал во время выступления, было невозможно. Не один я был такой ушлый.

И вот настал этот день. Я решил караулить прибытие артиста в холле главного корпуса под «часиками». Для технологов «часики» были, я бы сказал, культовым местом. Там решались все глобальные вопросы современности, например, что мы сегодня делаем: идем пиво пить или распишем пульку. Кидалась даже монетка. Орел – преферанс, решка – по пиву, а если монета становилась на ребро, то ничего не попишешь, придется идти на занятия. Ходили, правда, непроверенные слухи, что иногда монетка зависала в воздухе. В таком неординарном случае, кажется, предполагался поход всей честной компании на экзамен без шпаргалок. Вот в этом знаменитом месте я и устроил свой наблюдательный пункт.

Когда артист вошел в холл, то на него сразу накинулась стайка симпатичных студенток – кто за автографом, а кто просто руками потрогать и пообщаться. Я, не мешкая, рванул к двери, ведущей на сцену. На входе двое крепких ребят. Мой вопль: «Банионис приехал!» – несколько озадачил их. Они начали осмысливать произошедшее событие, а я, на правах гонца с такой обнадеживающей вестью, быстренько нырнул в дверь. Пока они соображали, что за фрукт перед ними нарисовался, я уже рванул на сцену и прекрасно устроился за кулисой на стульчике около пульта с кнопками освещения.

В момент появления актера за кулисами ведущий махнул мне рукой, чтобы я выключил освещение в зале, оставив только сцену. Я, как заправский осветитель, выключил, правда, все, в том числе и сцену. И пока методом тыка я искал возможность восстановить свет на сцене, актер двинулся к столу и уже был как раз на половине пути к своему рабочему месту, когда я, наконец, нашел нужную кнопку. Зажигается свет и раздается шквал аплодисментов. Актер остановился, не дойдя до стола, и от неожиданности как-то даже несколько виновато УЛЫБНУЛСЯ. И продолжал стоять под непрекращающиеся аплодисменты. У него была совершенно удивительная, обаятельная УЛЫБКА. Вот за нее зал и награждал артиста. Овация длилась около десяти минут. Он не знал, как остановить зал, и только продолжал УЛЫБАТЬСЯ, что еще более раззадоривало зрителей.

Не скажу, что я был великий театрал, но учиться в Питере и не посещать театры – БДТ Товстоногова, Ленсовета Владимирова, комедии Акимова – было просто дурным тоном. Считай, зря прожил жизнь. Поэтому я прилагал немало усилий по добыче билетов или просто многократно караулил на входе перед театром с сакраментальной фразой:

– А нет ли у вас лишнего билетика?

Сколько потолкался в очередях, на которые у меня с детства аллергия. А ведь тогда билетик в БДТ, колбаса и очередь были словами синонимами. Кажется, сейчас на слово «очередь» есть только один синоним: «Сбербанк». Так вот за все посещения театров я никогда не слышал таких продолжительных аплодисментов. А ведь он не сказал ни одного слова. Просто стоял и УЛЫБАЛСЯ.

Потом был рассказ о съемках нашумевшего фильма. Вопросы из зала. Все обратили внимание на его акцент и спросили, кто же его дублировал? Ответ – Александр Демьяненко, знаменитый Шурик. Рассказал и про встречи с прототипом своего героя. Много мы услышали интересного из его уст о съемках фильма, о себе, о своем творчестве, но доминантой этого вечера все же оставалась УЛЫБКА Баниониса. Это отмечали все, с кем я потом делился своими впечатлениями.

Улыбка. Я даже не знаю, с чем ее можно сравнить. Вот Владимир Шаинский в своей песенке про улыбку отметил, что от нее происходит масса полезных дел – и радуга просыпается, и слону с улиткой теплее становится и еще много чего хорошего случается.

А вспомним Олега Янковского. Он вместе со своим другом, бароном Мюнхгаузеном прямо и честно призывает:

«Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!»

Убедил? Ведь они оба очень умные ребята. Точно, обманывать или просто выдумывать не будут. Действительно, назовите мне хоть один случай, рассказанный бароном Мюнхгаузеном, который бы не был абсолютной правдой.

Согласен, что смех тоже неплохо. Но, когда смотришь, над чем иногда смеются, то становится как-то не по себе. Упал человек – и многим смешно. А еще смешнее, когда на экране кидаются тортами. И уж очень весело, когда этими кусками с кремом в лицо попадают. Или наши записные юмористы? Сплошная умора. Тут никаких слов не хватит. Я не знаю ни одного человека из своего окружения, кого бы они не достали. Еще меня всегда интересовал вопрос, над чем же смеются зрители за кадром в ситкоммах с той же Настей Заворотнюк или на «Камеди клуб». Наверное, им что-то смешное показывают, раз им так весело, а не то, что мы, рядовые зрители, видим на экране. Единственное смешное действие на экране телевизора, это когда политики начинают рассуждать о народном благе, и тем более, когда начинают с коррупцией бороться. Тут только об одном беспокоишься, как бы лужицу не сделать.

С улыбкой связано другое, что-то обязательно доброе. Вообще, что может быть лучше детской и женской улыбки? Попробуйте найти.

Ну, сами подумайте. Вот ребенок от силы пару месяцев. Ему хочется поблагодарить маму за то, что она с ним поделилась очень вкусным молочком. Согласитесь, что фразу: «Мамочка, премного благодарен вам за столь благородный поступок,» – не всякий ребенок в этом возрасте сможет произнести из-за такой сложной буквы Р. А вот улыбнуться вполне по силам всем. Да и вообще, почему не поощрить родителей улыбкой, особенно, если они себя хорошо ведут, не капризничают, делают все, что им скажешь.

А улыбка женщины. Вот уже, сколько столетий люди гадают, чему улыбается Мона Лиза. А мой ответ проще простого. А чего не улыбнуться Лизавете? Муж третью неделю с работы приходит трезвый. Из полочки заначил самую малость. Перестал заглядываться на соседку. Почему не порадоваться и не улыбнуться от хорошего настроения?

А сказанное выше говорит о том, что и от мужских улыбок иногда польза происходит. По-моему, улыбка – это дар от Бога, которым мы не торопимся воспользоваться. Да это просто

и выгодно со всех сторон. Недавно вычитал одну замечательную мысль. Автор – русский швед Георгий Бострем, выпускник Санкт-Петербургской и Мюнхенской академий искусств, иконописец и блестящий реставратор. Очень понравилась его фраза. Цитирую:

«Если хотите жить долго – всегда улыбайтесь».

Вот я и подумал, овес и лекарства нынче дороги. Намного дешевле для здоровья лишний раз улыбнуться, а в ответ и тебе кто-то улыбнется. Ей Богу, это здорово. Чисто по-русски:

– Ты меня уважаешь?

А в ответ:

–И я тебя уважаю.

Поэтому улыбайтесь, господа, улыбайтесь!

Р. S. Недавно принимал участие в Фестивале увлекательной науки и техники, который организовала моя дочь в подмосковном поселке. Я возглавлял станцию под названием «Большая химия на кухне». Смешав соду, лимонную кислоту и сироп, разливал этот самодельный лимонад в пластиковые стаканчики.

Моя продукция пользовалась большим спросом, и я решил подзаработать на этом. Цену я не стал задирать и запросил за стаканчик две детские улыбки. Отбою не было. У всех улыбки оказались при себе. Представьте мой навар. За два дня огрести больше полутора тысяч улыбок. Можете мне позавидовать.

Праздник Октября

Встречали мы 51-ю годовщину Великого Октября вдвоем: я и Стасик. Все остальные из студенческой общаги разъехались по домам на целых десять дней, а нам до дома было далеко-далеко: ему до Архангельска, а мне до Башкирии. Как известно, у советских людей, кроме основных пяти чувств, были еще два не менее важных вспомогательных – чувство высокой ответственности и чувство глубокого удовлетворения. Ну, с чувством высокой ответственности у нас было как-то не очень, а вот чувство глубокого удовлетворения мы испытывали в полной мере, особенно после того, как вскрыли две посылки из Архангельска от мамы Стасика. Я бы даже уточнил, что не глубокого, а глубочайшего. Именно содержимое этих посылок и вызвало такой прилив высоких чувств. Вес каждой чуть-чуть не дотягивал до десяти килограммов, максимально разрешенных к пересылке, а внутри не было ничего лишнего. Печень трески, нельма, палтус в разных ипостасях, копченый, вяленый, семга и еще несколько сортов рыбы с цветовой гаммой от бледно розового до ярко красного, названия которых я не запомнил. По-видимому, мама Стасика была удачливым рыболовом, если смогла так заполнить посылки. Действительно, откуда у нее, главного уролога Архангельской области, могло иначе появиться такое великолепие.

Я не покривил душой, когда заявил Стасику, что у него просто замечательная мама, и он не зря ей гордится. Он особо не возражал. Мы не стали долго раздумывать и прикидывать, что же делать с этими дарами морей, рек и прочих водоемов, а решили просто, не чинясь, скушать. Именно скушать, а не съесть или сожрать. Между этими словами имеется достаточно существенная разница. Едят пищу, жрут баланду, кушают блюдо. Стасик в этих вопросах был большой эстет, а я у него был толковым и расторопным подмастерьем.

Вот примерный распорядок дней последовавших с начала наших каникул. Я вставал в семь утра и ехал почти через весь Питер на Финляндский вокзал. Зачем? Да затем, что только там к восьми утра подвозили свежие, еще горячие булочки для наших утренних бутербродов. Купив булочки, я бегом летел на Кузнечный рынок, где приобретал свежую зелень для означенных бутербродов. Всем известно, что зелень украшает любое кулинарное изделие. Стасик вставал немного позже и ехал на Невский проспект, чтобы отовариться в Елисейском гастрономе. Там приобреталось сливочное масло, сливки и, главное, там был лучший в городе обжаренный кофе. Конечно, можно было купить все то же самое и в любом другом гастрономе, но там не было гарантии, что продукты, которые мы приобретали, были максимум вчерашние, а не пролежавшие несколько дней на прилавках.

Ну не лень же было тащиться в такую рань через весь город именно за горячими булочками, когда почти такие же изделия можно было купить намного ближе. Ведь когда стояла дилемма, ехать на лекцию или нет, то всегда возникало масса серьезных вопросов. А как там с погодой за окном, благоприятно ли расположение звезд и планет на небосклоне для такого ответственного шага, обрадуется ли преподаватель моему появлению и пригодятся ли в будущем именно эти знания, которые будут сегодня вкладывать мне в черепушку, попадутся ли мне они в экзаменационном билете? А в этом случае никаких сомнений, только ехать.

Встречались мы к девяти, и начиналось приготовление легкого завтрака.

Бутерброды из семужки украшались розочками из сливочного масла. Веточки кинзы и укропчика на нем тоже были не лишними. На гарнир к копченому палтусу и нельме уместна была столовая ложечка другая зеленого горошка, а так же порезанный хрустящий соленый огурчик. Хорошим приложением было вареное яичко, разрезанное пополам и обильно политое майонезом. Стасик колдовал над сливками. Понятно, что кофе с взбитыми сливками резко отличается по вкусовым качествам от кофе просто со сливками. Это совершенно очевидная истина и не следовать ей было просто неразумно.

После откушивания завтрака начинались хлопоты об обеде. Косточки от семужки мы пускали на ушицу. Палтус жарили, парили, готовили сложные гарниры. Две ложечки хорошо прожаренной картошечки, по ложечке соленой и свежей капусты, пара маринованных огурчиков, снова зелень, горошек – это далеко не полный перечень состава наших блюд. Действовало два жестких правила. Никаких продуктов впрок, даже на два дня. Все должно быть абсолютно свежим. И порции готовились только на один раз, не доеденные остатки пищи, супротив студенческой природы с огромным сожалением выбрасывались.

Был задействован еще один основополагающий принцип: пьянству – бой. За десять дней из алкоголя было потреблено по две маленькие бутылочки пива Невского двойного золотого и то только потому, что этот напиток гармонировал с каким-то блюдом из нашего меню. Купленные бутылки сухого вина использовались исключительно для приготовления соусов. Любому советскому школьнику было известно, что для приготовления белого соуса «пикант» требовалось только белое сухое, а, соответственно, для красного – красное, а не наоборот. Это аксиома, которой мы, как будущие инженеры не могли не следовать.

У нас со Стасиком за эти дни образовалась даже некая специализация. У него лучше получались белые польские соусы, а у меня острые красные. Кстати, завтрак и обед были только прелюдией к ужину, так сказать, небольшой разминкой. А вот во время ужина мы оттопыривались по полной программе. Усилия наши не пропали даром. К концу каникул на дне посылки оставалось только несколько небольших кусочков рыбы и пара банок печени.

Мы гордились тем, что хорошо потрудились на благо общества, то есть наглядно продемонстрировали то, что ожидало всех советских людей в 1980 году, который незабвенный Никита Сергеевич обозначил началом коммунизма. Ну, конечно, студенты должны всегда быть в авангарде общества. Это натура у нас такая – во всем и всегда быть впереди.

Проводник

Поступить в институт было для меня самой легкой задачей. Сложнее было прожить пять лет в Питере, чтобы потом было, что вспомнить. А это требовало определенных финансовых ресурсов. В принципе, отцовские переводы и повышенная стипендия оборонного факультета обеспечивали прожиточный минимум, но у меня не заладилось с учебой на первых курсах. Причем, самое обидное, что не пошли высшая математика и физика, которые я в школе любил и был по ним призером всех олимпиад. Я и сам до сих пор не понимаю, почему так произошло. Преподаватели были вполне либеральные и искренне хотели поставить мне тройку, но моя дремучесть делала это невозможным. Самое забавное то, что я заходил на математику первым, перерешивал задачи многим своим сокурсникам – без них не давали билет, они выходили с пятерками, а я с двойкой. Со второй попытки, когда я внаглую шпаргалил и, боясь даже напутать в терминологии, говорил: вот, если к этому прибавить вот это, то получится вот это. Пораженные моими выдающимися способностями преподаватели ставили мне заветную тройку, но, как правило, за пределами сроков экзаменационной сессии. Другими словами, прощай, стипендия, а это приводило к существенному дефициту бюджета. Так что пару семестров из десяти я оставался без стипендии, но винить было некого, кроме себя. Просить отца увеличить содержание не позволяла гордость, хотя для него это не было бы проблемой. Зарабатывал он по тем временам очень неплохо. Но я даже в детстве никогда не просил у родителей карманных денег, потому что всегда существовал народный промысел для пацанов – сбор бутылок. С доходов этого промысла в моем рационе всегда и в достаточном количестве были газировка и мороженое, а однажды, поднапрягшись, я даже скопил деньги на коньки с ботинками.

Угроза дефолта заставила меня перебрать все варианты студенческих подработок. Возврат к детскому промыслу был исключен по простой причине: этим занимались питерские старушечки, которые дежурили в сквериках возле гастрономов. Когда трое советских граждан мужского пола двигались от магазина к лавочке, они тут же подбегали и предлагали стаканчики. Мужикам, конечно, было приятно утолить свою жажду не из «горла», а из благородной посуды и даже чокнуться. Арендной платой за стаканчики и была пустая бутылка. Вмешиваться в такой давно сложившийся и хорошо организованный бизнес студенту орденосного института, носящего гордое имя Ленсовета, было просто неприлично. Народ бы меня не понял. Другим классическим студенческим способом заработка было ночное дежурство через сутки в детских садах. Платили за сей труд 45 рублей в месяц, но такие места из года в год передавались по наследству. Разгрузка вагонов только со стороны привлекательна. Свои проверенные способности грузчика я оценивал в десять, от силы пятнадцать тонн за смену, а это копейки. Более или менее приличные заработки шли от тридцати, но после такого трудового подвига тебя мало что будет интересовать, даже вкусная и здоровая пища, не говоря об остальном. Но тогда для чего трудиться?

В общем, коллегиально с друзьями перебрал все возможные варианты подработок, я остановился на многотрудной, но почетной должности проводника вагонов. В те годы количество летних поездов в разы превосходило количество постоянных, и у железнодорожников практически был один-единственный выход: летом привлекать студентов. Устройство на работу было делом нехлопотным. Справка из деканата, инструктаж и пара дней на получение санитарной книжки. Теперь самым важным стало выбрать манеру своего поведения в общении с надоедливой и капризной публикой, то есть с пассажирами, которым постоянно чего-то нужно, то им не так, это им не так. После первой поездки я выбрал ампула жизнерадостного нахала. И это оказалось самым лучшим решением. Правильность моего выбора неоднократно подтверждалась в течение четырех сезонов. Ну, вот подходит бабуля. Ей, видите ли, потребовался чай, барыня какая. А у меня своя правда. Бабуля, конечно, чай – это хорошо, но это не такой про-

стой вопрос, как кажется с первого взгляда. Вот если я надумаю сегодня бриться, то тогда и вы чайку попьете. Бабулька озадачена: а причем здесь бритье? А притом, любезная, что мне тогда горячая вода потребуется. Уразумела? И когда бабулька получала свой заветный стаканчик кипятка, то она искренно радовалась тому, что попала в вагон к такому замечательному проводнику, который готов лишний раз побриться, чтобы удовлетворить растущие потребности советских граждан. И таких примеров масса, приведу некоторые.

Кишинев, поздний вечер. Собираю билеты у пассажиров на рейс до Питера. При поголовном дефиците в те времена у всех один вопрос: «Проводничек, а белье-то будет?» Я с заговорческим видом объясняю всем: белье есть, но мало. Но вам-то я обязательно дам. Уж больно вы мне симпатичны. После сбора билетов я перебираюсь в служебку, а народ тихонечко крадется ко мне. Я без большого сожаления одариваю всех заветными принадлежностями, а они против моей воли стараются мне всучить два, а то и три рубля за комплект, при номинале в один. Все мои попытки дать сдачу с негодованием отвергаются. Ну не могу же я пойти против воли народа. Народ всегда прав. Они довольны тем, что я выделил именно их из серой массы, а мне тоже грех обижаться за их навязчивость. Дополнительные доходы в бюджет еще никому не вредили.

Поезд Питер – Мурманск. Народу мало. Общий вагон заполнен где-то на треть. Произношу речь: «Уважаемые товарищи, мне передали, что через одну станцию в наш вагон сажают 80 человек призывников. Я, конечно, никого не гоню, но соседние вагоны также полупустые». И все, через пару минут в моем вагоне никого нет. Им хорошо, и мне не хуже. Никто не отвлекает, не дергают, появляется время подумать о вечном. Можно в гости кого-нибудь пригласить. Правда насчет призывников я высказал только гипотезу, никто мне ничего не говорил, но это не так уж и важно, главное то, что я предотвратил возможные неудобства моих пассажиров, а ведь это самое основное требование в сфере обслуживания. Профилактика всегда эффективнее лечения. Это вам любой первокурсник мединститута подтвердит.

К уборке вагона у меня тоже душа не лежала. Когда ко мне подходили пассажиры и намекали на то, что в их купе грязновато, я вручал им совок с веником и с лучезарной улыбкой акцентировал их внимание на то, что я явно не сорил у них. Они были вынуждены соглашаться, брали у меня инвентарь и сами с удовольствием убирали за собой. Стоит заметить, что один сезон я работал с напарницей, которая за свою смену, раз пять намывала вагон, все у нее блестело, но с каждого рейса она привозила до десятка жалоб от пассажиров. Причина простая – она не умела говорить с людьми. Слово за слово – и готова очередная телега. У меня за все годы работы – ни одной. В конце рейса я выносил к людям книгу жалоб и предложений и просил оценить мой труд. Сразу выстраивалась очередь, даже приходилось просить последних, чтобы не сильно напирала. Бумаги в те времена хватало как на эпохальные произведения генсеков, так и на хвалебные оды для вашего слуги.

Вы, наверное, обратили внимание на то, что во всех эпизодах наблюдается полное отсутствие недовольных, включая меня. Также были весьма довольны и ревизоры, которых на популярном южном маршруте хватало. Среди них встречались и высоко порядочные ребята, которые давали сдачу с взятки. Я не оговорился. В те годы такса за безбилетника колебалась от рубля до полутора с одного организма. Поэтому когда я однажды выложил пятнадцать рублей за девять «зайцев», то один из порядочных начал мне отсчитывать сдачу, рубль с мелочью. На мою робкую попытку возразить получил твердую отповедь.

– Ну, возьму я сейчас пятнадцать, завтра захочется двадцать пять, а послезавтра дело дойдет до того, что вы перестанете возить безбилетников. Тогда что с вас возьмешь? В лучшем случае стакан чая без сахара со спитой заваркой? Порядок должен быть во всем.

Вот так рассуждал Спиноза от МПСа. Попробуйте возразить. Такие были времена. Нашим бы сегодняшним правителям прислушаться к мудрому ревизору, который бесплатно

преподал мне урок политэкономии социализма. Послушаешь их, как они радуют о малом бизнесе, рыдать хочется. Если бы еще реальные дела за этими ахами и вздохами стояли.

Англичане

Познакомился я с ними на первой для меня проектной конференции в Москве. Действие происходило в помещении Московского народного банка. Это был советско-английский банк, то есть его Московское представительство.

От англичан была группа около десяти человек. В Англии было закуплено комплектное оборудование для двух установок по производству метанола. На тот момент самых мощных единичных агрегатов в мире. Поставку осуществляла английская фирма, входящая, пожалуй, в первую пятерку крупнейших мировых химических компаний. Вот для детализации положений контракта и проводились ежеквартально эти плановые проектные конференции. Я в то время работал начальником производства метанола, которое только предстояло построить, и представлял Томский химзавод, где и намечалось строительство одного из агрегатов.

Когда меня ввели в зал заседания рабочих групп, англичане сразу замолкли и заговорили только после того, когда переводчик назвал мои реквизиты: должность, фамилию и имя. После этого они дружно встали и начали подходить ко мне для пожатия моей лапки. В их глазах читалась высокая почтительность к моей персоне, даже у руководителя делегации. По их понятиям перед ними стоял большой босс – менеджер Томского метанола.

Если бы они знали, что представленный им босс дома каждое воскресенье вставал в шесть утра и ехал на базар занимать место к пустому прилавку в мясных рядах, в робкой надежде, что именно на этом прилавке будут продавать говядину, а не свинину. Поясняю. До коммунизма оставалось еще пару лет, и поэтому в стране в изобилии были только лозунги, призывы и партийная литература. Со всем остальным была напряженка. Особенно с говядиной, даже на базаре. Свинина еще была, а вот приличный кусок говядины доставался только таким способом. Занять и ожидать: повезет, не повезет – при вероятности удачи примерно в пятнадцать процентов. Вот такие мысли крутились у меня в голове, когда мне, представителю развитого социализма, почтительно пожимали руку типичные представители загнивающего капитализма. Интересно, а как у них была ситуация с добычей куска говядины?

С нашей стороны делегацию возглавлял Виктор Топчий, большая умница, главный инженер Северодонецкого филиала ГИАПа. С ним была молодая толковая команда проектировщиков по всем разделам проекта, и они достаточно успешно воевали с англичанами по выбору оборудования для процесса. Ведь в контракте, хотя он и был составлен на восьмистах страницах, очерчивались только рамки, а полная детализация поставки оборудования, а также выбор поставщиков определялись на этих конференциях. Моя роль скорее всего была протокольной, необходимо было просто присутствовать. В вопросах проектирования северодончане были намного квалифицированной меня, поэтому я особо никуда не совался, а просто сидел и набирался ума, что тоже было не лишним.

Но в какой-то момент и у меня разыграло ретивое. Я тоже решил показать, что не зря получаю зарплату. На одном из заседаний я развернул перед англичанами технологическую схему и пальчиком начал показывать, что вот печь конверсии, в которой лежит почти двести тонн мягкого таблетированного катализатора. Вот пункт в контракте, в котором сказано, что за год из печки уносится почти четыре тонны катализатора за счет его истирания. Вот по линии после печки конвертированный газ идет напрямиком на турбину компрессора, а она, родимая, вращается со скоростью более пятнадцати тысяч оборотов в минуту. Так вот эта пыль будет осаждаться на лопатках турбины, и, следовательно, жди разбалансировки ротора турбины, а затем аварийную остановку ключевого компрессора со всеми вытекающими последствиями. Поэтому настаиваем на поставке нашей стороне стэнда для балансировки турбины. Англичане взвыли:

– Да этот стэнд стоит целых три миллиона долларов!

– Ну, хорошо, – сжалился я, – если вам жалко каких-то несчастных трех миллионов, то мы настаиваем на поставке комплекта оснастки для балансировки ротора в гнезде турбины.

– Но это тоже стоит полмиллиона долларов.

– Хорошо, а что нам делать, когда из-за катализаторной пыли разбалансируется ротор? Снимать и везти его в Англию? Это же какие убытки понесет производство.

Единственное их возражение сводилось к тому, что у них такие же турбины работают годами. Я соглашался, но парировал следующим доводом, что их работающие турбины стоят на агрегатах мощностью 320 тысяч тонн в год, а наш на мощности 750 – и где гарантия, что при прохождении пыли в два с половиной раза больше, чем у них турбина не разбалансируется. Единственное, чего они добились, так это отложить вопрос до приезда их главного технолога.

Когда приехал их главный, я снова завел сказочку про белого бычка, дескать, пыль, которой очень много, и что мне несчастному делать, когда турбина встанет. У того тоже, кроме уверений, что турбина будет работать, ничего не нашлось. Более серьезного возражения и с его стороны не последовало. Так и пришлось им записать в протокол наше требование и в конечном счете раскошелиться на полмиллиона долларов.

Вечером мы ужинали в ресторане с главным механиком завода, который по своей должности был заинтересован в получении этой оснастки. И тут с ним состоялся разговор. Задал он мне простой вопрос.

– А почему у них турбины работают без остановки?

– Да и у нас будут работать так же.

– Так ты настолько убедительно давил их, что я и сам поверил.

– Знаешь, если бы эти ребята были поумней, то они давно бы ткнули меня носом в схему, в которой ясно показано, что перед печью конверсии на одну тонну газа вводится четыре тонны водяного пара, а между печкой и турбиной стоят три ступени охлаждения газа с мощной сепарацией. Поэтому сконденсировавшийся пар настолько хорошо промывает газ, что будет он чистеньким, как слеза ребенка. А пыль просто уйдет в дренаж.

– Так ты это знал?

– Конечно, с самого начала моей басенки. Мне просто было интересно проверить их на вшивость, что стоят их кембриджи против выпускника середнячка нашей родной Питерской техноложки. Вот я и проверил.

– Ну, а если бы они, как ты выражаешься, ткнули тебя носом?

– Тогда бы я на чистейшем английском ответил бы им, что «эскюз ми», мистеры, не дотумкал.

– Так выходит, что ты их обманул?

– Можно и так считать, а чего они в матроса Кошку в Крыму стреляли, адмирала Нахимова убили, да и со вторым фронтом тянули. Должен же был кто-то поквитаться с ними за это?

К вопросу о русской лени

Мифу о русской лени, пожалуй, не одно столетие. Экскурсов в историю не буду делать по простой причине – это сделал вполне профессионально уважаемый мной профессор Владимир Мединский в своей серии книг «Мифы о России». Просто обращаю внимание на некоторые исторические факты. Ленивые русские построили Транссиб буквально за несколько лет. Еще более ленивые русские крестьяне кормили всю Европу. Эта ложь была подхвачена коммунистами, чтобы оправдать свое присутствие на Руси. А потом все провалы в экономике и сельском хозяйстве приписывать, естественно, русской лени.

Первый урок политэкономии социализма мной был получен еще в школе. Я попал под хрущевские одиннадцать классов. В 14 лет нас привели на производство, в арматурный цех на заводе ЖБИ. Зарплата арматурщика 4-го разряда равнялась 70-80 рублям, и ажиотажа у отдела кадров не наблюдалось. Нас рабочие встретили очень хорошо. Главное, нас подпустили к станкам. Через месяц мы все быстренько освоили, включая дуговую сварку, и нам дали возможность полноценно работать с начислением заработной платы. Работали мы два дня в неделю и реально зарабатывали рублей по 25. Для пацанов это было целое состояние. Еще через месяц я выполнял сменное задание до обеда. Варил шестьдесят арматурных сеток. Цена пять копеек. Итого три рубля в день. Попытки подойти к станку после обеда моментально пресекались рабочими. Ты, сынок, пришел и ушел, а нам здесь работать, и если сделаешь после обеда еще шестьдесят сеток, то завтра расценка будет в размере двух с половиной копеек. Таким образом регулировался труд при совке: поспешай не торопясь. Зато все были при деле.

И вот наступили кооперативные времена. Тут самому приходилось определять расценки на все виды работ. И первые же опыты позволили сделать простой и очевидный вывод: хочешь заработать – плати нормально людям. В первые годы работы я неоднократно убеждался в этом простом выводе. Приведу несколько примеров.

Грунт. Работая в управлении механизации, за пару лет я перевез не меньше двух миллионов кубов грунта, прекрасно знал сметы. И мне было достаточно взглянуть всего на две цифры – дальность возки по смете и реальная по факту. После этого я с максимальной точностью знал, сколько можно заработать на объекте. Подвернулся объем в 32 тысячи кубов. Взял смету, нашел карьер поближе, а потом поехал к автомобилистам. Заключил с ними договор, по которому они выделяли мне шесть МАЗов самосвалов с работой по 12 часов в день. То есть в месяц со мной работали две бригады. Приехала первая бригада. Ребята, кроме бригадира, совсем молодые, года два после армии. Начали выяснять, сколько я им буду платить. Я им честно признался, что понятия не имею. Вы пару дней поработайте, а потом я и решу. Начали, в день совершают по 20-22 рейса. Сел, посчитал, что потрачу за аренду при таком темпе возки, что останется мне и что можно будет добавить им. На третий день я произнес перед бригадой речь.

– Если вы будете работать не хуже, чем эти два дня, то я вам подпишу путевки по максимуму.

А это означало, что управление, где я их взял, заплатит им примерно по пятьсот рублей. Их заработок перед моим заказом не превышал трехсот. А вот от себя лично я вам прибавлю по 70 копеек с каждого борта. Учет рейсов вели мои ребята. Вот и все – и никаких призывов, убеждений, уговоров. Через пару дней они стали делать по сорок рейсов. Их суммарный заработок приближался к девятистам рублям.

Я просто любовался их работой. Мало того, я обратил внимание, что они тратят много времени на обед в рабочей столовке. Жара, духота, да и качество блюд не ахти. Я им предложил другой вариант: а что если я вас буду кормить в ресторане за счет заведения. К моему удивлению ни одного возражения не последовало. Рядом с площадкой только что открылся

очень даже приличный кооперативный ресторанчик. Теперь я заранее накрывал стол, причем выбирая, что получше, а не подешевле. Они подъезжали, мыли руки, кушали, минут десять перекуривали. А за сэкономленные полчаса от обеда они делали еще по паре рейсов. Это мне приносило в кассу шестьсот рублей. Обед мне обходился в двадцать пять. Так что вопрос, кто кого облагодетельствовал, можно считать дискуссионным. Лет десять после этого объекта ребята, встречаясь со мной, задавали только один вопрос, ну когда ты еще раз нас возьмешь на работу?

Станки. В начале девяностых хорошим спросом пользовались небольшие полупромышленные деревообрабатывающие станки. В Краснодарском крае нашел заводик, который мог это делать. Я положил глаз на его инструментальный участок. Директора не убедил. Он сказал, что этот участок должен делать в месяц до сорока прессформ, а осиливают от силы 15-16. А тут, мол, ты еще со своим заказом. Посмотрел его калькуляции на изделия. Накладные 320 процентов. Предложил: а давай я буду делать эти прессформы при накладных в восемьдесят процентов, а вечерами свои станки. Рабочие согласны. А когда я еще предложил и комплектацию металлом, то ему нечем было крыть. Предложение для него было сверхвыгодным. Но в договоре был пункт, что при малейшем сбое договор расторгается. Естественно, я заранее провел глубокую разведку. Поговорил с мастерами, рабочим. Ребята, инструментальщики пятого разряда, золотые руки получали по 180-200 рублей. Ну, на эти деньги они и делали 15 изделий в месяц.

В первый месяц мужики сделали 24 прессформы и первую партию моих станков. На второй вышли на 36. Причем мои намеки о том, что нужно остаться после работы или выйти в субботу рабочие игнорировали, объясняя мне, что у них свои огороды, а мы и так, в рабочее время тебе все сделаем. Перекуривать меньше будем. И действительно, не напрягаясь, за счет разумной организации успевали делать всю программу под мой заказ за законные восемь часов в день.

На четвертый месяц меня выгнали с завода. Действительно, сколько можно терпеть этого наглого кооператора, который довел заработную плату рабочим до тысячи рублей в месяц. Совсем оборзел. Нельзя мириться с таким беспределом. А почему остальные цеха не получают столько?

Добавлю, что по такой схеме сработал еще несколько раз – и всегда результат был один. Те же самые люди, на том же оборудовании увеличивали производительность труда в разы, и соответственно в разы выростала заработная плата. После этого меня выгоняли. На этом фоне слишком убого смотрелись директора предприятий, куда я залезал со своими заказами.

Напрашивается несложный вывод. Повторюсь: хочешь заработать – плати нормально людям. И поверьте, русский мужик никогда не был ленивым. Схема простая. Если ему говорят, что вот за эту работу ты будешь получать рубль, а если очень хорошо потрудишься, то мы тебе накинем премию в размере двадцати копеек, не сомневайтесь – он и будет работать на рубль двадцать. А если ему обозначить реальную расценку и сказать, сколько сделал, столько и получишь без обману, то он и на три рубля, и на пять сделает. У меня монтажники умудрялись за полтора дня зарабатывать больше, чем они получали в месяц на основной работе. Сколько оставалось мне, я особо не афишировал. И это не альтруизм, а разумный расчет.

Во всем мире сложилась простая пропорция при взаимоотношениях с наемными работниками. 70% на заработную плату, 20% на развитие производства и 10% на яхты и бриллианты любовницам. В России все с точностью наоборот. А потом удивляются: не хотят люди работать.

Нашими предпринимателями движет жадность и желание хапнуть побольше. И им не приходит в голову простая мысль, что они получают намного больше, если будут думать о людях. Жалко, что время уходит и идет деградация любого производства. Подумайте, ребята, еще не поздно.

Цех

Созданный мной кооператив через пару лет начал тихо угасать. Если выложить нашу работу на график, то получалась классическая синусоида. Есть заказ, благосостояние растёт, нет заказа, проедаются предыдущие доходы. Поэтому моя монтажная бригада потихонечку рассосалась. Остро встал вопрос об организации постоянного производства, не имеющего сезонной зависимости. Оптимальным было заарендовать какой-нибудь цех, естественно, убыточный, так как прибыльный никто не даст, и наладить его работу, хотя бы с небольшой, но стабильной прибылью.

После перебора вариантов я остановил свой выбор на цехе гипсопрокатных перегородок в составе завода ЖБИ, который подходил под мои требования. В течение последних нескольких лет этот цех абсолютно стабильно выдавал в месяц двадцать тысяч убытка. Его мне отдали без большого сожаления, а прозрачный намек директора ЖБИ на откат я парировал простым доводом. Передача подразделения с такими убытками автоматически повышает прибыль основного производства. Умные люди советуют воровать из прибыли, вот оттуда и возьми, не обременяя меня и не вводя в грех лихоимства. Доводы мои показались ему убедительными, и договор был подписан без всяких секретных протоколов. Тем более, что других желающих взять на себя эту обузу на горизонте не наблюдалось.

Цех в принципе был неплохой, все оборудование работало, он был полностью укомплектован рабочими. Но о том, как мы работали, чуть позже.

А сейчас о другом. Когда прошел слух о том, что в цехе теперь работает кооператив, то в течение недели к нам был проявлен живой интерес всех надзорных организаций. Раньше он их особенно не интересовал, это когда с убытками, а сейчас срочно потребовалось их вмешательство.

Первым пришел газовик и опломбировал сушилку. Дядя Газовик оказался не особо вредным, и два самосвала с бетоном, отправленных в его гараж, резко повысили уровень газовой безопасности в нашем цехе. Настолько стало хорошо, что пломба просто оказалась не нужна, и мы ее с удовольствием выбросили, как совершенно ненужную вещь.

Вторым явился эколог. Он интересовался охраной воздушного бассейна и сбросом промышленных стоков. Ну со стоками у нас было просто отлично. Промышленная канализация не работала ни одного часа после пуска цеха. Я не без оснований полагал, что сбросной коллектор строителями был проложен пунктиром. А чтобы стоки не заливали территорию, в колодце был установлен небольшой насос, который откачивал эту воду назад в производство. Благо там особых требований к качеству технической воды не было. Для охраны воздушного бассейна требовалось установить циклон на складе гипса. Спорить не было необходимости, купил у соседей по дешевке сей агрегат и забросил его на верхушку склада. Снизу его хорошо было видно. Обвязывать циклон я не стал, трезво рассудив, что Эколог не полезет по вертикальной грязной лестнице, а лифт для доставки надзирателей проектом не был предусмотрен.

Больше всего меня порадовал пожарник. Оказывается, для улучшения условий пожарной безопасности требовалось всего листа три-четыре ДВП², которые нужно было передать ему. Сначала я озадачился, ведь ДВП в те времена была в разряде острого дефицита. Но тут меня посетила весьма мудрая мысль, а не входит ли в зону его обслуживания Целлюлозно-картонный комбинат, который и выпускал это вожделенный дефицит? Когда он утвердительно кивнул, то тут же было подготовлено письмо руководителю соседнего предприятия с просьбой о технической помощи, то есть продаже нам четырехсот листов по номиналу. Отказывать пожарникам в

² ДВП – древесноволокнистая плита, листовая материал, изготовленный путём горячего прессования или сушки ковра из древесных волокон.

таких просьбах в те времена было не этично и поэтому через пару дней, запрашиваемый материал лежал на моем складе. Пожарник получил свою долю, а остальное продали. Если учесть тот факт, что рыночная цена его была раза в три выше номинала, то я получил неплохие деньги для развития моего цеха. Так что общение с надзором иногда может быть вполне приятным и полезным.

Приперся даже ГАСК³. Этому-то чего нужно? Я хорошо знал круг их вопросов. Они контролировали производство несущих конструкций. Мои перегородки под категорию несущих никак не подходили, максимум, что они несли, так это ковры и книжные полки. Обрушение книжной полки не попадало в разряд событий, о котором вещали СМИ. Поэтому я попросил его убраться отсюда подальше. Он расценил мое предложение как угрозу, о которой я пожалую. На что я вполне вежливо объяснил, что у меня есть свидетели, которые угрозы не видели, а узрели дружескую беседу двух умных людей. Ребята, стоявшие поблизости, согласно кивали, истину говорит начальник. А вот если он появится еще раз, то у меня найдутся свидетели, которые, положив руку на последнюю редакцию Советской конституции, подписанную самим дорогим Леонидом Ильичем, засвидетельствуют, что они собственными глазами видели и собственными ушами слышали с близкого расстояния в хорошую ясную погоду, как он у меня вымогал взятку. Похоже, он сообразил, что его приход нас не слишком обрадовал, поэтому больше не появлялся на нашей территории. Мужик оказался понятливым.

Но были и светлые лучики в нашем нелегком кооперативном служении обществу. Среди проверяющих был и ЦСМ⁴. От них мы получили объемное предписание по нашему производству. Взамен они ничего не попросили, ни бетона, ни ДВП, а наоборот постоянно подходили и подсказывали, как проще, малой кровью, выполнить их предписания. Могу отметить, что все девяностые у меня не было проблем с этой организацией. Мне достаточно часто приходилось сертифицировать и строительные материалы, и пищевую продукцию, и всегда благожелательность, помощь, подсказка, как проще и лучше сделать, без всяких намеков на мзду. Причем я в своем мнении не одинок.

После того, как проверяющие убедились в нашей отзывчивости и в правильном понимании момента, можно было приступать к работе. Я не стал никого сокращать, хотя лишние люди были. Больше половины были хорошие работающие ребята, треть так себе, ну и, как водится, пара раздолбаев-пьяниц. Но я не трогал даже их. Просто не ставил восьмерки, когда они появлялись под газом. Просчитав расценки, я смог при хорошей работе платить 300-400 рублей в месяц. До меня их заработок был не больше двухсот. Это сработало. В первый месяц работы цеха при такой зарплате чистая прибыль составила шесть тысяч рублей, на следующий двадцать. А в дальнейшем дошла до сорока при зарплате у основной активной группы рабочих до 700-800 рублей. Кроме основного производства, наладили производство блоков, организовали мелкую фасовку гипса для магазинов. Ведь, как правило, в хозяйстве иногда требуется горсть алебаstra, а торговля предлагала мешок. В общем, курочка по зернышку.

Чисто по своей инициативе ребята выходили в субботу. Если хватало людей, то запускали прокатку, если не хватало, то всегда было что подремонтировать. Работали обычно до двух часов, после этого обедали. Во время обеда могли поднять пару рюмок. Я сам с удовольствием выходил по субботам и вместе с ними становился к стану. Во время обеда я интересовался, кем были их деды? И тут прослеживалась абсолютная закономерность. У всех дедушки были справными мужиками, артельщиками, солепромышленниками, большинство попали в тридцатых годах под раскулачивание. Поинтересовался, а чем был занят дед нашего главного алкаша, и узнал, что тот был большим человеком – секретарем райкома.

³ ГАСК – Государственный архитектурно-строительный контроль.

⁴ ЦСМ – Центр стандартизации и метрологии.

Вот даже такой самопальный социологический опрос говорил о многом. Зря большевики записали генетику в продажную девку империализма. У нормального мужика и нормальное потомство. У мерзавца и потомок такая же бездарь и чаще всего такой же негодяй. Убежден, что Русь и поднималась во все времена стараниями справногo мужика. Хорошее все-таки это понятие – справный мужик.

Адвокат

В своей многогрешной жизни мне пришлось заниматься многим. Химик по образованию и по первым своим шагам на производстве я переквалифицировался в строителя. Когда начались кооперативные времена, то чем только ни приходилось заниматься: изготавливать колбасу и макароны, печь хлеб, коптить рыбу. А однажды мне пришлось даже выступить в роли настоящего адвоката.

Работал я в то время главным инженером управления механизации на объектах Астраханьгазпрома. Дела шли неплохо за исключением одной болячки. Я никак не мог подобрать начальника участка для работы в Аксарайске. Перебрал несколько человек. Перед поступлением на работу они уверяли меня в своей деловитости и компетентности. Но через пару месяцев я их просто выгонял, в очередной раз убеждаясь в их никчемности.

Поэтому приходилось самому крутиться. Участок ведь не бросишь. Но никто с меня не снимал и мои обязанности главного инженера. Поэтому, когда на пороге появилась новая кандидатура, я быстренько подписал ему заявление, взяв с него слово, что если не потянет, то сам уберется с участка. Звали его Камиль, и был он, как бы его сейчас назвали, «лицом казахской национальности». Правда, могу отметить, что в его трудовой карьере была продолжительная работа во вполне солидной строительной организации. А почему он ушел оттуда, тоже было понятно. У нас заработки были значительно выше, чем в Астрахани.

Пару недель я понаблюдал за ним и понял, что не ошибся. Он быстренько вошел в курс дела, навел порядок на участке, да и с рабочими быстро нашел общий язык. Поэтому я с легким сердцем переключился на другой участок. Это подразделение работало на газопроводе, питающем Астрахань, и мои бригады со второго участка были раскиданы на объектах, расположенных по всей трассе длиной больше полутора сотен километров. Поэтому там нужно было постоянно появляться, решать вопросы. Любая задержка в их решении приводила к простоям, а ведь хозяйство-то у нас было плановое. Несколько таких простоев – и гори огнем премия. Покажите мне хоть одного человека, для которого премия – лишняя обуза. Хотя в театре нашлись благородные ребята, которые отказались от премии. В жизни я таких альтруистов не встречал. Теперь, когда я был спокоен за Аксарайский участок, то мог больше времени посвящать другому. Практически ежедневно я мотался по всем концам трубы, во время решал все и отмечу, что дела шли неплохо.

Проработали мы стабильно месяца три, и тут Камиль пропал. Поиски его не увенчались успехом. И только дней через десять позвонили нам из милиции и посоветовали не ждать его на работе. Дескать, он у них надолго задержится. В милиции нам сказали, что он арестован по обвинению в хищении в особо крупных размерах.

Мы со своей стороны тоже начали разбираться, и тут выяснилось следующее. Он на прежней работе возглавлял участок по укладке асфальта. Ему подвернулась пара шабашек. Нужно было заасфальтировать две площадки в подразделениях Астраханьгазпрома. Работы он выполнил. У заказчика никаких претензий. Редчайший случай! Потом два контрольных банковских обмера не нашли ни одной копейки приписки. А Камиль совершил одну большую тактическую ошибку: не поделился с тем, с кем было принято делиться. Всего было начислено заработной платы шесть с половиной тысяч рублей. Немножко он бросил рабочим, они и так нормально зарабатывали по основной работе, а остаток больше шести тысяч сгрел себе. Естественно, по русской классической традиции:

«– Ты Вань сидел? – Да. – А ты Петя тоже сидел? – Да. – А вон Федька не сидел, давай стукнем».

Ну и стукнули, куда следует. Правда, кто стукнул, до сих пор не знаем. Вот тут-то государство и озаботилось, как это можно за месяц отхватить такие деньжищи. Ну и записали его в

особо крупного расхитителя социалистической собственности. В те годы особо крупной считалась сумма свыше двух с половиной тысяч рублей. А статейка по такому обвинению была более чем серьезная: от семи лет и выше. И ни одного шанса на условное наказание или амнистию. А ведь у Камиля были правительственные награды за Афган. И даже это не облегчало его участи.

Забрали Камиля в декабре, в марте выпустили под подписку, а следствие шло до августа. Мне было откровенно жалко парня. У него семья, дети. Друзьями мы с ним не были, но просто корпоративная солидарность требовала какого-то нашего участия. Поговорил со знающими юристами, и они посоветовали мне принять участие в суде в качестве общественного защитника. Была такая форма участия в судопроизводстве. Быстренько собрал народ и единодушно выбрал себя этим самым общественным защитником. Заодно выяснил, что я имею равные права в суде и с обычным адвокатом, и тем более с прокурором. Это немного вдохновляло, но радоваться было рано – окончательно все решает суд.

За неделю до даты суда мы с Камилем получили обвинительное заключение на шести страницах. Внимательно изучили. Потом на три дня зарылись в областную библиотеку, где перерыли гору всяких нормативных документов по строительству. После чего мы накропали тридцать две страницы возражений на обвинение.

В первый день суда судья ознакомился с нашим творчеством и, поняв, что обвинение рассыпается, стал упорно отказываться приобщить наш труд к материалам дела. Нам с профессиональным адвокатом только к концу заседания удалось заставить принять наш документ. Следующие несколько дней прошли в постоянных препирательствах с прокурором. На каждый пункт обвинения у нас было не меньше десятка возражений. Экспертом был начальник ПТО⁵ обычного строительного управления. В перерывах в курилке мы начали его потихоньку долбать: «Чего ты парня топишь? Ну, ты же сам был прорабом. Ты же знаешь, что если поднять процентовки, подписанные тобой, лет пять, а то и больше тебе гарантировано?» Он все прекрасно понимал. Знал, что в нашем строительстве любого прораба, проработавшего хотя бы год на стройке, можно было, как суворовского интенданта, без суда и следствия отправлять на галеры. Поэтому, когда мы объясняли суду, что вот если бы наш подзащитный составлял дополнительные акты на подноску, подброску и кучу всяких вспомогательных работ, то эксперт соглашался бы с нами, а не с прокурором. Это уже меняло дело. А то, что нет этой бумаги, то это можно считать максимум технической недоработкой, но не основанием для вынесения столь сурового приговора на срок свыше семи лет.

На пятый день суда в конце заседания мы с карандашом в руках доказали суду, что Камилю не доплатили четыреста рублей. Даже прокурор был вынужден согласиться с нами. Поэтому вместо обвинения он отправил дело на доследование. А на следующий день был выходной, и мы устроили хороший праздник. Барашек, которого Камиль взял с собой на пикник, пришелся нам очень даже по вкусу. Я впервые понял разницу в качестве шашлыка из свежезабитого барашка и шашлыка из баранины пролежавшей хотя бы с десятков часов.

Все новое расследование дела свелось к замене эксперта. Нашего мягкотелого убрали и назначили старика, которому было далеко за семьдесят. Расцвет его производственной карьеры, похоже, пришелся на времена Иосифа и Лаврентия. Крутой дядя. Не удивился бы, если бы узнал, что он участвовал в работе и НКВДешных троек⁶. Но это заметно упрощало и нашу защиту. Когда я прочитал его экспертное заключение, то сказал Камилю, что нечего тянуть со вторым барашком, а можно его откусать хоть завтра. Ничем не рискуешь. Заклю-

⁵ ПТО – производственно-технический отдел.

⁶ Тройки НКВД – органы административной (внесудебной) репрессии при республиканских, краевых и областных управлениях НКВД СССР, созданные в целях проведения операции по репрессированию «антисоветских элементов» и действовавшие в СССР с августа 1937 по ноябрь 1938 года. Состояли из трёх человек – начальника, секретаря и прокурора, чем и обусловлено их название.

чение было абсолютно безграмотным, составлено в категориях сороковых-пятидесятых годов. Главным пунктом его заключения было утверждение, что максимум выплаченной зарплаты не должен был превышать 14 копеек с рубля выполнения. Это правило может, и действовало в пятидесятых годах, но на дворе был конец восьмидесятых. А он еще по дурусти написал, что это предусмотрено Постановлением Госстроя⁷. Нужно отметить, что обычная шабашная расценка на эти работы в те времена составляла 26 копеек, а Камиль взял всего 22 копейки с рубля выполнения.

Второй суд длился всего полдня. Я смотрел на эксперта, и у меня была одна мысль: «Ну, чего тебе старому маразматику надо? Ты что не досажал в сороковых? Для какой высокой цели ты хочешь загнать нормального работающего мужика на нары?» – и не получал ответа. Вслух, конечно, то, что я думал, произнести не мог, а очень даже учтиво обратился к эксперту:

– Вот Вы в основе экспертного заключения ссылаетесь на Постановление Госстроя, которое не разрешает платить больше четырнадцати копеек с рубля выполнения. У меня вопрос к уважаемому эксперту: назовите номер и дату выхода этого постановления.

В ответ: «Тык, пык...» – в общем, что-то несвязное. Но я-то, точно знал, что такого постановления никогда не было.

Дальше я уже обратился к суду:

– Уважаемые судьи, вот у меня случайно с собой оказался рабочий документ нашего Гражданпроекта. Вот на первой страничке стоит штампик Главного инженера проекта и его подпись. А в штампице написано, что вся документация выполнена строго в соответствии с действующими на сегодняшний день нормативными документами. Теперь смотрим сметный расчет из этой папки. Здесь приведена смета на асфальтировку площадки, на которой тоже стоит ГИПовский штампик. Весь набор работ абсолютно идентичен с набором работ нашего подзащитного. Дальше видим, что стоимость работ такая-то. А вот и выделенная сметная заработная плата. У меня с собой также случайно оказался калькулятор. Делим стоимость сметной заработной платы на объем выполненных работ и получаем, что заработная плата по этой смете составляет 32 копейки с рубля. А вот теперь я бы попросил нашего уважаемого эксперта прокомментировать ситуацию и пояснить, где он видит нанесенный ущерб государству и за что нам необходимо сажать на длительный срок нашего подзащитного, если он начислил заработную плату на треть ниже, чем разрешают сегодняшние нормативы?

Ответ эксперта: «Бяк, бяк, шмяк, шмяк...» – опять конкретики ноль.

На этом суд закончился. Дело было отправлено на новое расследование. Прошло уже 23 года. За это время Камилля больше ни разу не вызывали. Возможно, до сих пор все расследуют и как-то обходятся без его присутствия.

А второй барашек оказался не таким вкусным, как первый. Но это и понятно. За первого нам пришлось хорошо потрудиться, а второй нам достался просто так. Всего-то делов – указать дураку, что он дурак. Даже прокурор с нами согласился. А ведь его цели на судебном процессе были диаметрально противоположны нашим.

⁷ Госстрой – Государственный комитет СССР по строительству и инвестициям.

ГИПов надо любить

ГИП – это главный инженер проекта. Очень важная фигура для строителей, от его благорасположения зависело многое. Вот об этом и пойдет наше повествование.

История началась с того, что меня крепко обидели в Астраханьгазпроме. Каким образом, говорить не буду – дело прошлое. Обидел мой прямой начальник в отсутствие генерального директора, который меня и пригласил на эту стройку. Когда он появился, то я сказал ему, что работать с этим чудаком на букву «М» не буду, и если он не предложит другое место, то уйду к строителям. Его предложения меня не устроили, и я объявил строителям, что ищу работу у них.

Честно говоря, я был весьма удивлен, когда в течение двух дней получил почти полтора десятка предложений на должности – вплоть до начальника строительного управления. Перед этим я два с половиной года с самого начала стройки проработал начальником производственного отдела у заказчика, и мне подчинялись все кураторы, которые подписывали объемы выполненных работ. Да и самому лично приходилось очень много подписывать. На поводу у строителей я никогда не шел, но когда вежливо просили подписать объемы вперед, то я не отказывал, ограничившись устной гарантией, что в ближайшее время долг будет отработан. Подвести меня можно было только один раз, и это знали все. За эти годы у меня сложились очень хорошие отношения практически со всеми подрядными организациями. А ведь на стройке был собран цвет строителей со всего Союза.

Осваивал новую профессию с нуля: ведь по образованию я был химик-технолог. За несколько месяцев мне пришлось полностью проработать четырнадцать томов всего законодательства о капитальном строительстве и разобраться во всех сложностях этого дела. Ошибки в подписании объемов были чреваты серьезными последствиями. Если контрольный обмер Промстройбанка фиксировал приписку, то в лучшем случае виновные получали начет в размере семи процентов от суммы приписки, разделив его по-братски между куратором и прорабом, подписавших липовую «форму два». А если сумма была заметная, то на несколько лет нары были обеспечены. Причем никаких условных сроков по этой статье не предусматривалось. А еще это было и просто интересно – влезть в новую сферу и изучить все тонкости этого ремесла. Так что к моменту ухода к строителям я очень неплохо знал многие вопросы финансирования строительства, а главное, овладел всеми премудростями составления и проверки сметной документации. Об этом знали многие, и желание заполучить меня было вполне искренним.

Собрав все предложения, я стал выбирать, куда мне лучше податься. Подразделения, выполнявшие общестроительные работы, меня не интересовали, так как в этих работах я был полным профаном, а вот монтаж технологических трубопроводов мне был намного ближе. Во-первых, я сам технолог, и разбираться в паутине трубопроводов мне приходилось и по старой работе. Во-вторых, перед Астраханью я полтора года проработал в пуско-наладке на подготовке производства капролактама⁸, и там мне пришлось принять более тысячи технологических линий, требования к которым были более чем серьезные. Так что какая-то техническая база у меня уже была.

Предложенные высокие должности я тоже отменил сразу. Причина простая: терпеть не могу дилетантов, а становиться им даже на несколько месяцев я не хотел. Я не знал в монтаже простейших вопросов, хотя бы элементарного начисления заработной платы, поэтому я настроился на самую почетную должность рядового прораба.

⁸ Капролактама – синтетическое химическое вещество, используемое для получения полиамидных пластмасс и волокон, применяемых для изготовления текстиля, ковровых покрытий, шинного корда, упаковочной пленки и т.д.

А теперь я спою оду ЕРЕРа́м и ЕНиРа́м. Не пугайтесь, первое – это единичные расценки, по которым рассчитывалась сметная документация на строительные и монтажные работы. А второе – это единые нормы и расценки, по которым начислялась заработная плата. В каких документах было больше идиотизма – вопрос дискуссионный. Сметчики уверяли, что в ЕРЕРа́х, трудовики – в ЕНиРа́х. Но очевидно одно: здравого смысла в них было ноль процентов, и в этом сходились все. Ну сами подумайте, расценка на земляные работы предусматривала целых 36 копеек за перевалку вручную одного куба земли. Где в мире, даже в самой нищей стране, найдется хоть один желающий выполнить эту работу за пачку сигарет? Нигде, конечно. А вот в стране победившего социализма – пожалуйста. Поэтому не следовало удивляться тому, что в документации один землекоп выдавал кубов в разы больше, чем звено экскаваторов. И все это воспринималось серьезно. Эти расценки не пересматривались десятилетиями. Я потом как-то проверил реальность начисления заработной платы. Так вот, классный сварщик высочайшей квалификации по ЕНиРа́м реально мог заработать в месяц не больше двадцати рублей. А ему нужно было начислить минимум 400.

На промысле трубы варили канадские сварщики. У них был четкий норматив: не более двух стыков в смену. Третий варить было нельзя, потому что, по их мнению, могло пострадать качество сварки. Получали они за эту работу несколько тысяч долларов в месяц. Наши сварщики варили не один десяток таких же стыков в смену при идеальном качестве. И я им реально по ЕНиРа́м мог начислить за это целых полтора рубля. Дальше продолжать?

Вот в этом идиотизме и предстояло мне крутиться после перехода на работу к подрядчикам. Из всех предложений я выбрал должность прораба в Тольяттинском монтажном управлении. С начальником участка у меня были очень хорошие отношения, и когда я его спросил, к кому он рекомендует пойти прорабом, то получил ответ:

– Да ни к кому, только ко мне. Мне уже давно из управления обещают дать прораба.

Сев на телефон, он в течение часа получил добро, и я тут же был зачислен на работу. Все бумаги были оформлены позже. Начальник участка был классным специалистом в своей работе, а я лучше него разбирался в сметах. Вот таким тандемом мы и собирались построить качественно и в срок установку гидроочистки на комплексе переработки конденсата.

Еще раз немного отвлекусь и постараюсь обрисовать ситуацию, в которой работали все монтажники нашей великой страны. Сметы на монтажные работы были тощенькими. Выработка на одного монтажника на капитальном строительстве составляла около одной тысячи рублей в месяц. И этого показателя можно было достичь только в начале работ на объекте, когда выбирались самые вкусные куски из сметы. Потом выработка резко падала, в какой-то момент она даже в разы была меньше суммы, которую нужно было выплатить как заработную плату. Как же монтажники выходили из этой ситуации? Да очень просто. Для этого существовал капремонт технологических производств. За счет дичайших приписок. Там нередко бригада из четырех человек могла выполнить объем на 300 тыс. рублей в месяц. Вот отсюда и перекидывались деньги на капстрой. Поэтому хорошая смета на капстрое ценилась очень высоко. А уж дополнительные сметы даже на 20-30 тысяч рассматривались как манна небесная.

Мне хватило недели, чтобы разобраться с ситуацией. Деньги по смете были уже хорошо подъедены. Я начал внимательно изучать сметы. Сразу нашел явные недочеты, там было достаточно ошибок. Где-то расценки были завышены, но нас это особо не волновало, а вот там, где они были занижены, у нас, естественно, вскипал праведный гнев – обижают! Начал потихоньку готовить замечания. Правда, только по тем пунктам, где занижали. Ошибки в сторону повышения мы прощали. Ждали проектировщиков из Питера.

Наконец, они приехали. Главный инженер проекта, а с ним и группа специалистов по всем разделам проектной документации. По старой работе я хорошо знал, кто решает вопрос выдачи дополнительных смет – конечно, ГИП. Они приехали на две недели. Я не стал торопить события и вышел на них только в конце рабочего дня в пятницу. Подвели меня к ним, предста-

вили. И тут я им стал плакаться в три ручья, что совсем невомогу. Накопилось столько вопросов к проектировщикам, что просто необходимо завтра в субботу провести техническое совещание. Готов даже прийти к ним в гостиницу. Энтузиазма это предложение у них не вызвало. Вместо законного отдыха в выходной день им предстояла встреча с занудой-подрядчиком. Покривились, но вынуждены были согласиться. Спросили, а в какое время? Я посчитал, что чем раньше, тем лучше. На этом и расстались.

В девять утра я как штык был у них. Для разговора взял самый большой портфель, в котором лежала одна тощенькая папочка с бумажками и прочее «обоснование». Это «обоснование» было хорошо упаковано, чтобы не было лишнего звона и раньше времени не прорывались соблазнительные запахи. На лицах моих контрагентов явственно читались пожелания сгореть мне синим пламенем, испариться, провалиться, сгинуть! Пожалуй, самым гуманным из них, которое читалось в их взглядах, было то, чтобы меня схватили диарея, коклюш и еще с десяток опасных заболеваний, при которых необходима немедленная госпитализация. Я тоже решил им немного отомстить. Вынул папку и нудным голосом начал перечислять свои замечания к проекту. Но перегибать палку не стал: а вдруг все их пожелания материализуются, и тогда моя семья останется без кормильца. Я прервал свою речь и сказал, что хватит ерундой заниматься, давайте займемся делом, после чего выложил и выставил на стол все мое «обоснование».

Ситуация развернулась на сто восемьдесят. Все оживились. На их лицах теперь было написано, что человека, милее, чем я, они ни разу в жизни не встречали. Им было явно неудобно, что они не сразу распознали чистоту моих помыслов.

Теперь наше техническое совещание перешло, точнее, перелилось в другое русло. Через полчаса мы уже дружно убеждали товарища Мороза не морозить нас и тем более наших бело-гривых скакунов. Небольшую дискуссию вызвало только то, что не было ясности, как встретят нас жены. Они хоть и красавицы, но страсть как ревнивы. И что нас ждет при возвращении – объятия или скалка по заправке? Тут мнения расходились.

Не забыли мы и про удалого Хас-Булата. Посочувствовали, что у бедолаги маленькая квартирка без всяких удобств. Зато испытали за него гордость, когда он отказался от предлагаемого движимого и недвижимого имущества (конь, ковер). Одобрили, что он сам готов отдать богатому соседу свое недвижимое имущество (неверную жену с кинжалом в боку).

Наша гостиница находилась прямо на берегу Волги. Поэтому, естественно, встал вопрос об аморальном поведении Степы Разина. Практически единодушно мы осудили его поведение в общественном месте. Действительно, обнимает девушку за стан. Она в предвкушении, что с ней еще одну ночьку вожжаться будут в теплой постельке, а ее в холодную набежавшую волну. А как теперь будут выглядеть россияне в глазах правозащитной общественности в Европах? Опять начнут напоминать про общечеловеческие ценности, о правах человека. А на Востоке, разве одобряют разбрасывание их княжон?

Совещание затягивалось. Пару раз сбегали за восполнением «обоснования». А в финале, как полагается настоящим коммунистам со стажем, спели «Интернационал». Правда, пели его на мотив другой песни, в которой Костя в рамках продовольственной программы привозил шаланды, полные кефали. Попробуйте сами спеть партийный гимн таким образом! Звучит намного лучше, чем традиционное исполнение. Правда, вышел небольшой конфуз. Первый куплет пели все, второй – часть коллектива, а на третьем все иссякли. Текст забыли. Поэтому допели остаток произведения про одесского пролетария Костю.

В конце совещания провели прения о взаимном уважении и приняли единогласно резолюцию, которая звучала так:

– Вася, приезжай к нам в Питер. Для тебя сделаем все!

Возражений с моей стороны не последовало, для этого и было организовано техническое совещание. Протокол не составляли. Да и зачем? Слово уважаемых людей выше всяких там бумажек.

Теперь можно было начать настоящую работу по исправлению ошибок в сметной документации. Первое, что нужно было сделать, это найти все ошибки в смете. Второе – прибавить к реальным замечаниям кучу заведомо необоснованных требований. Дальше отправить бумагу заказчику. Зная по опыту работы в своей бывшей конторе, что никто там мою бумагу рассматривать и пересылать проектировщикам не будет, я сам подготовил этот документ. Вспомнил, как на старой работе сам относился к таким бумагам. Днем было не до них, а вечером, когда стоял выбор: работа с документами или увлекательное сражение на преферансном фронте – чаще выбирал битву с коллегами, а если говорить честно, то делал это всегда. Эти бумаги подрядчиков месяцами перекладывались с места на место. А здесь все просто. Шел к своим бывшим подчиненным. Вот вам мое письмо. Вот ваше письмо к проектировщикам. Они его быстро визировали и подписывали у руководства. Никаких им хлопот, а дело сделано. Мне хватало пару часов на все эти подписи.

А дальше наступал волнующий момент: написание письма от проектировщиков в свой адрес. Я уже отметил, что в свои замечания вносил много заведомо неприемлемых пунктов. Такой туфты загонялось в этот документ процентов на восемьдесят. И здесь в ответе проектировщиков подрядной организации, я нещадно отвергал наши наглые требования, как необоснованные. Для чего это делалось? Ну, представьте, если у проектировщиков исполнитель документа признает все наши требования обоснованными, то что о нем подумает начальство? А подумает, что он не творчески подошел к своим обязанностям, пошел на поводу у подрядчиков. А не в сговоре ли он с ними? А если исполнитель перечеркал львиную долю наших замечаний то, значит, он хорошо потрудился, радеет о народной копеечке – не поощрить ли его за такой ударный труд! А с десятков пунктов, которые принимались проектировщиком, очень даже существенно изменяли смету в нашу пользу, что нам и требовалось. Так что доверять проектировщикам написание нам ответа тоже не стоило. У меня это получалось лучше.

Вот теперь можно и в Питер ехать. Руководство с удовольствием, кроме законных командировочных, отваливало мне некоторую сумму на представительские расходы. А чтобы было не скучно, брал с собою дочь. Училась она очень легко и, взяв с собой учебники, она запросто за четыре дня в пути проходила вперед по учебникам материал на всю четверть. Ей нравилось узнавать все раньше своих сверстников.

Прибывали в Питер мы, как правило, в понедельник. Дочь я оставлял у друзей сокурсников, которых у меня хватало, а сам шел в проектный институт, убеждаться в том, что мои новоиспеченные друзья держат слово, данное в конце нашего знаменитого «совещания». Был разработан целый ритуал по моей командировке. В первый день я вручал им свои замечания и, понятно, знакомил их и с готовыми ответами. Ребята с пониманием принимали такую форму отношений с другом Васей. Это устраивало всех. Также частично передавалось и классическое астраханское «обоснование» в виде вяленой, копченой и прочей продукции. А в завершении рабочего дня традиционный большой банкет с ГИПОм в хорошем ресторане.

Следующие три дня мы с дочерью были заняты другими важными делами. Вставали мы не рано и ехали в центр. Больше всего нас интересовали, кроме музеев, разумеется, всякие заведения, где подавались мороженое, разнообразные напитки и закуски, и, главное, знаменитый «лягушатник» на Невском. Не забывали про ТЮЗ и цирк. Да и просто побродить по этому городу было огромное удовольствие. Другими словами, культурно отдыхали. В пятницу я снова появлялся в проектном институте. Все документы уже были готовы, оставалось заполучить готовую смету. Учитывая то, что слова «социализм» и «очередь» – синонимы, мне приходилось пускать в дело остатки «обоснования». Сумочка с копчеными лещами легко решала вопрос о внеочередном размножении моей сметной документации. Получив еще «тепленькую» смету,

в конце рабочего дня устраивал в ближнем питейном заведении небольшую отвальную, после которой я был свободен, как птица. С чистой совестью, на свободе я с дитем еще пару дней гулял по Питеру, а потом домой.

С первой командировки я привез дополнительных смет на шестьсот тысяч рублей. То есть практически удвоил смету. Все сразу на стол не стал выкладывать, разумно рассудив, что хватит и половины, а вторую половину отложил в свою заначку, чтобы иметь в дальнейшем абсолютно законное моральное право съездить еще несколько раз в Питер. Все-таки это город моей студенческой юности. И почему туда не прогуляться? Руководство управления было в полном восторге от моей инициативы, и в дальнейшем, кроме основной заработной платы и законной премии, добавляло и все другие возможные поощрения. В частности, премировали за ударный труд на других объектах, о которых я никогда не слышал и понятия не имел, где они находятся.

А уж когда прошел слух среди других монтажных организаций о моих способностях, то ко мне выстроилась приличная очередь с очень заманчивыми предложениями. А мне-то что, почему и не подработать? Это же не криминал, а исправление ошибок. Большинство замечаний к сметам были действительно обоснованными.

Начались горячие денечки. В пять часов вечера очередные работодатели забирали меня с объекта и везли в рабочее общежитие. Там душ, ужин из кофе с бутербродами – и бегом за стол. Столы сдвигались. На них выкладывались вся сметная документация, и шел поиск «блех». Трудился я ежедневно часов до трех ночи. В восемь нужно было быть на своей работе. По накатанной схеме за пару недель готовился весь материал для поездки к проектировщикам. В Питер я снова ехал или по договоренности новых работодателей с моим непосредственным руководством, или под маркой неиспользованной заначки по своему объекту.

Когда не было заказов по сметам, то работал на дополнительных шашках непосредственно по монтажным работам. Вокруг меня сложилась отличная бригада, и мы по выходным и вечерами с удовольствием занимались и этой подработкой. В общем, когда я посчитал заработок за этот год и вывел сумму, то получалось, что мой месячный заработок раз в пять превышал мою прежнюю зарплату и раза в два был больше, чем у любого первого руководителя этой стройки.

После трезвой оценки этого факта, я простил своего обидчика, о котором говорил в начале. Было бы наглостью обижаться на него при этих результатах. А по хорошему-то, неплохо было бы еще и пригласить его в ресторан, чтобы по-настоящему отблагодарить родимого.

Я сам до сих пор с удовольствием вспоминаю тот дикий режим работы. Неделями спать не больше четырех часов в сутки. Но и результат мне нравился. Моей жене не было необходимости мотаться на работу, а можно было просто заниматься воспитанием детей и мужа. Работа мне до сих пор нравится больше, чем безделье. Чувствуешь себя человеком. Даже на пенсии. Не менять же ее на домино и водку?

Амарант

Я давно диагностирую у себя тихое помешательство. Окружающим оно не доставляет неудобств. Внешне оно никак не проявляется. Мало того, я иногда даже становлюсь похожим на умного. Особенно, когда молчу. По крайней мере, так меня всегда уверяла жена. А я с ней особо и не спорил.

А помешательство связано с одним интереснейшим растением. Называется оно амарант. Лет двадцать пять назад мне попала на глаза статья, в которой это растение называли культурой XXI века. Меня поразило содержание материала. Оказывается, в мире есть растение, на фоне которого блекнут все кормовые культуры. Там приводились цифры, из которых ясно, что по съему растительного белка с гектара эта культура превосходит сою в 3-4 раза и в 10-12 раз – любые зерновые культуры. Дальше будет много цифр, но без них не обойтись.

Начал собирать в журналах и газетах любую информацию. Пару недель не вылезал из местной публички. Не так много, как хотелось, имелось материалов по амаранту, но и их мне хватило, чтобы помутить рассудок. Фантастическая урожайность по зеленой высокобелковой массе. Даже на плохеньких почвах Центральной России урожайность достигает 1000-1200 центнеров с гектара. Для сравнения хорошим урожаем люцерны считается 100-120 центнеров. А здесь на порядок больше при великолепном качестве белка с уникальным набором аминокислот.

Из статей понял, что наиболее продвинута эта культура в Татарстане, а лидером по культивированию амаранта в России, пожалуй, является Ботанический сад при Казанском университете. Возглавляет его профессор И. А. Чернов. Узнал, что там проводятся ежегодные научные конференции по амаранту, созвонился, договорился о приезде. С огромным удовольствием окунулся в сообщество людей, которые, как и я, тоже оказались помешанными на этой культуре. Нужно было видеть этих молодых ученых, которые делали доклады. Не зря в мире именуют амарант Божьим даром. Его фантастические свойства просто затягивают на всю жизнь. Ведь помимо кормовых достоинств, не менее интересны и его лекарственные свойства. Много позже покупал семена в Новочеркасске. Я хорошо заплатил за них, и меня поразила реакция женщин, которые отпустили мне семена. Они тут же поделились со мной радостью, что теперь у них есть деньги на командировку в Пущино, где проводятся ежегодные конференции по амаранту. Я заплатил живой наличкой, без всяких документов, а они, месяцами сидящие без зарплаты, были счастливы открывшейся у них шикарной перспективой. Ну что взять с помешанных?

Вторым абсолютно очевидным симптомом моего помешательства является святая убежденность в том, что в России есть золотое дно. И это не нефть и газ и не металлы. Золотым дном считаю сельское хозяйство. Не поверите? И правильно – если рассматривать сегодняшний набор культур на селе. И даже сегодня, при повальном бардаке, Россия вышла на четвертое место в мире по экспорту зерна. Правда, начали импортировать картошку – это надо же умудриться. Но эти болезни нам достались с тридцатых годов, когда всех работающих мужиков загнали в Сибирь, а на селе стали править бал макарки нагульновы. Не люблю я Черчилля, но он на сто процентов был прав, когда назвал Большого партийного кукурузника гениальным человеком, сумевшим Россию из кормильца всей Европы превратить в покупателя зерна. Здесь действительно большой талант требовался. А при царе-батюшке сельское хозяйство и было золотым дном. И это не преувеличение. Только сибирские маслодельные артели давали доход в казну в два с половиной раза больше, чем совсем не хилая золотопромышленность России. А сейчас, где вы видели сливочное масло? Только на этикетке? Пальмовое, соглашусь.

Так вот амарант и может решить проблему золотого дна на селе. Ведь практически зерна на продовольственные цели требуется от силы 20-25 миллионов тонн. Остальное зерно кормо-

вое. Затраты на один гектар практически одинаковые, что на пшеницу, что на амарант. Только отдача с одного гектара посевов амаранта будет минимум на порядок выше. Соответственно, и рентабельность затеи будет на один нолик больше. Иметь колоссальные посевные площади и не использовать их – это клинический идиотизм, перед которым блекнет мое тихое помещательство. Ведь вакханалия с ценами на ГСМ⁹ для села не прекращается. Из политиков, я знаю только одного – депутата Государственной думы от Справедливой России Валерия Зубова, который предпринимает какие-то попытки убедить, что такой рост цен для села – это окончательная смерть остатков сельского хозяйства. А еще прибавьте сюда патологическое стремление в ВТО¹⁰.

Для запуска амаранта не требуется какой-то новой техники. Обычные зерновые сеялки. Только семена мы балластировали манкой один к трем. Слишком маленькие зернышки у амаранта. Но и расход на гектар укладывается в один килограмм. Механизмы для уборки? Можно применить обычные кукурузные жатки. Есть простейшая, как коровье мычание, отечественная технология выделения растительного белка. А этот белок совсем немного уступает по качеству рыбной муке, но вот цена его будет раз в пять ниже. И главное, что окупаемость всех затрат по самому худшему варианту составит максимум два года. Где вы, предприниматели, ищущие, куда вложить деньги? Ведь при глубокой переработке всей массы амаранта рентабельность не уступит по экономической эффективности посевам мака и конопли. Есть за что сражаться.

А самое главное, что можно будет создать действительно миллионы новых, хорошо оплачиваемых рабочих мест. И это будут не те мифические 25 миллионов, которые в предвыборном раже пообещал нам главный правитель. Хотя я верю, что они действительно будут созданы... в Китае, Малайзии, Польше, Литве, Белоруссии, другими словами, везде, кроме России.

Ну, а теперь про третий симптом моего заболевания. Не уверен, но надеюсь, что найдется все-таки хотя бы один умный предприниматель или толковый администратор, который вложит деньги или даст толчок в раскрутке проекта «Амарант». Не такие уж великие капиталы потребуются для запуска амаранта в нескольких центральных губерниях. И повторюсь, я абсолютно точно знаю, что затраты будут на порядок ниже, а отдача на порядок выше, чем в любых других производствах. Уверен, что человек, вложивший деньги в этот проект, останется в памяти россиян, как человек, давший России возможность восстановить село, сделать сельский труд высоко рентабельным и почетным, а главное, накормить людей великолепными продуктами на основе амаранта вместо очередной западной "хрени" типа ГМО¹¹.

P. S. Рассказ, написанный три года назад, потребовал коррекции. В настоящее время в интернете выложен ролик, в котором указывается, что в Пензенской области урожайность амаранта достигает 3000 центнеров с гектара. Следовательно, и рентабельность можно дополнительно помножить еще на три. Кроме того, по России двинулась технология получения кормов экструзией¹² смеси дробленого зерна с травами. В нашем случае смесь зерна с травяной гранулой из амаранта после экструдирования будет настоящей прорывной технологией, высокое качество корма будет сочетаться с низкой себестоимостью продукции.

⁹ ГСМ – горюче-смазочные материалы.

¹⁰ ВТО – Всемирная торговая организация.

¹¹ ГМО – генетически модифицированный организм.

¹² Экструзия – технология получения изделий путём продавливания вещества в виде вязкого расплава или густой пасты через формулирующее отверстие. В пищевой промышленности таким образом изготавливают макароны, лапшу, кукурузные палочки и т.п.

Вкусный рассказ

В начале восьмидесятых я перебрался на работу в Астрахань. Меня пригласили на строительство газового комплекса. Поселили в центральной гостинице. Квартиру обещали к осени, но мне было скучно жить без семьи, и я прикладывал много усилий для поиска временного жилья. В конторе строительства крутилось множество людей, и первым вопросом к ним у меня была просьба подсказать, у кого можно снять квартиру. После этого я здоровался с ними.

Мои усилия оказались вполне продуктивными, и к концу февраля я воссоединился с женой и любимой дочкой. Квартиру я снял поблизости от рыбкомбината. Для Астрахани проживание в этом районе имело кое-какие преимущества. В этом я убедился уже в первые дни. Стучит в ворота мужичок в фуфаечке. Вопрос:

- Красная рыбка нужна?
- Цена?
- Столько-то.
- Беру.

Красной называли все породы осетровых, и цена у этой прелести была заметно ниже стоимости мяса на базаре. Да ведь туда же еще и ехать надо, а здесь с доставкой на дом. Вскоре местные убедились в моей корректности – я, естественно, не пошел сдавать расхитителей социалистической собственности в органы, и народ ко мне потянулся. Рассказал про свою удачу своим коллегам землякам, которых на стройке уже было много. Им тоже захотелось побаловать себя рыбкой. Поэтому я стал брать и на них, фиксируя на бумажечке цену приобретения, по которой и отдавал товар коллегам. Периодически стали приносить и икорку. По идее мое барыжничество было не совсем законным, но, думаю, что срок давности уже истек. А если не истек, то в случае чего уйду в глухую несознанку. Скажу, что соврал. Тем более сейчас, кто больше всех врет, тот, скорее всего, попадет в Думу, а не на нары.

При моей контактности появилось много друзей из местных. Про одного поподробнее. Все называли его Станиславовичем. Его группа вела у нас топографическую съемку объектов. А по основной работе в «Гидрорыбпроекте»¹³ он был руководителем изыскательской партии. Всю дельту Волги он знал, как свою квартиру. Как-то в разговоре заикнулся ему, не смог бы он привезти немного икорки. На что он категорически отказал, вполне разумно объяснив причину. Не хватало еще ему на старости лет опозориться. Не дай Бог попасться Рыбнадзору при перевозке. Кто этим промышляет, те откупятся, а его, если и не посадят за первый раз, то позору не оберешься. Но намекнул, что если я свой организм доставлю к месту добычи браконьерской икры, то смогу съесть ее столько, сколько влезет.

А тут и случай подвернулся. Позвонил мне Станиславович и предложил приехать к нему в Тишково, низовое село в дельте Волги. Намечался праздник Победы, и он своих людей отпустил домой, а сам мог остаться, чтобы потешить своего вновь приобретенного друга. Я с удовольствием откликнулся на его приглашение, взял с собой удочки и через пару часов был у него. Он со своей изыскательской партией занимал просторный дом.

Дело близилось к обеду. Станиславович с кем-то пошептался и через десяток минут на столе уже лежал небольшой кусочек осетрины, так килограмм на 8-10, и какая-то черная субстанция до краев в посудине, которую я никак не мог определить – то ли очень большая эмалированная глубокая тарелка, то ли небольшой тазик. Через полчаса мы откушали мастерски приготовленную рыбу. После чего пошли в магазин, где было приобретено на вечер все самое необходимое, включая десяток лимонов.

¹³ «Гидрорыбпроект» – Государственный институт по проектированию гидротехнических, рыбоводно-мелиоративных и прудовых сооружений

Сытые и довольные, мы начали готовить завтрашнее блюдо – шашлык из осетрины. Для меня это блюдо было новым. Я даже и не слышал раньше, что такое делается. Станиславович нарезал калиброванные куски рыбы, я их укладывал слоями в посуду. Каждый слой прокладывался порезанными кольцами лука и тонкими кружочками лимона. Все это великолепие было залито белым сухим вином и оставлено на сутки.

На следующий день мы поднялись на катере по протоке километров на десять выше села, встали на берегу и запалили костерок для угольков. Никаких металлических шампуров, только ивовые прутья, на которые мы нанизывали осетринку. Когда жаром обдало первую порцию нашего фантастического блюда, то только от запаха можно было закачаться. А уж когда дело дошло до поглощения этого деликатеса, то тут просто не передать. Из спиртного с нами было только по стаканчику сухого вина. Пожалуй, больше и не следовало, только бы испортило впечатление от блюда. Покушав от души, я решил половить воблу, благо она еще шла. Поймав с пяток рыбок, я прекратил издевательство над природой. Было уже порядка тридцати градусов жары, и не имелось ни одного шанса сохранить улов. Поэтому я свернул удочку, и мы решили возвратиться в село.

Тронулись под мотором, но тут же его остановили. Причина была простая. У меня до сих пор стоит перед глазами фантастическое зрелище. Был тот самый момент, когда вода из реки только-только начала выплескиваться в полои¹⁴. Глубина в прибрежных ровных, как стол, полянах достигала от силы десять сантиметров, и вода просто бурлила. Неисчислимые стаи мелочи, воблы, тарашки и прочей рыбешки уходили из реки на это раздолье. Серьезные ребята, вроде 7-10-килограммовых сазанов просто ползли по воде, выступая из нее на две трети. Вмешиваться звуком моторов в это буйство природы было бы откровенным злодейством, за которое когданибудь, призовут к ответу. Пугать беззащитных мамочек и заботливых папаш не стоило. Поэтому мы спокойно на шесте двигались вдоль берега и не могли налюбоваться на эту картину.

Вечером настал черед потребления той черной субстанции, о которой я уже говорил. Заменяли мы и содержимое в стаканах. Вместо легенького сухого винца на стол поставили более серьезный напиток. Торопиться нам было некуда, разовые дозы потребления свели к минимуму, так, грамм по двадцать, но не стали себя ограничивать в потреблении закуски. На каждый «дриньк» – три-четыре полных столовых ложек икры. За вечер «дриньков» набралось не один десяток, но мы оставались абсолютно трезвыми. Что на нас так подействовало, даже не соображу. Наверное, воздух был такой особенный в этот праздничный вечер. Отмечу, правда, что ложками мы поработали на славу. На утро, к чаю в нашем тазике икры осталось от силы на пару бутербродов. Вот таким образом я познакомился с двумя астраханскими брендами: паюсной икрой и шашлыком из осетрины.

В этой поездке за кадром остались классическая уха из красной рыбы, приготовленная на костре и икра зернистая. С этими штучками мне пришлось познакомиться намного позже. Начну по порядку. Прибегает ко мне мой водитель. Глаза, как у бешеного таракана: «Петрович, дай двадцать восемь тысяч в долг, отработаю!». Сумма приличная – стоимость двух автомобилей Волга. Начал выяснять причину. Оказывается, в его родном селе продается дом. Ну и что за событие? «Да ты ничего не понимаешь, огород у этого дома с выходом на РЕКУ!» Особо не понял, но деньги дал.

Потом мне объяснили, что это значит. Для сих домовладельцев, имелось неписанное правило – иметь возможность поставить одну снасть, и на нее не покушались даже инспектора Рыбнадзора. Они нещадно тралили реку в местах общего пользования, вдали от сел, но у домов на берегу, акватория была неприкасаема. Вот в таком благодатном месте и было приобретено в собственность это недвижимое имущество.

¹⁴ Полой – протока реки, рукав в её излучине.

Через какое-то время, я в ранге почетного гостя был приглашен в выходные, на эту фазенду. В мои обязанности входило, сидеть в стареньком кресле, покуривать, наблюдать и не мешать хозяину священнодействовать. В его руках появилась еще вполне живая севрюга. Из нее он извлек килограмма полтора икры. Для дальнейшей обработки уже кипел самовар. Выверенными движениями он обдал икру кипятком, буквально за несколько минут он отбил все жилки, слегка сыпанул соли и после этого выставил мне на стол угощение. Это был классический «малосол». Все, что я ел раньше или позже из банок заводского изготовления с соблюдением всех норм не шло ни в какое сравнение с тем, что было на столе в этой волжской деревушке. В заводских банках жалкое подобие того, чем он накормил меня. Каюсь, из этой партии я ни ложки не привез домой, в семью. Все сам скушал, за что до сих пор стыдно. Нельзя же быть таким жадным!

А потом была уха. Оказывается и в приготовлении настоящей ухи есть куча требований и рецептов варки. Первое – кипятить на сильном огне, чтобы вся пена враз поднялась на поверхность, потом быстренько ее убрать. Лук, перец, лаврушка, грамм сто водки в ведро – тоже не будут лишними в рецептуре. Но главное, чтобы уха была абсолютно прозрачна. Одним словом уха, приготовленная на костре или дома на газе, это есть две большие разницы. Вот так периодически баловал меня водитель. Замечу, что часть денег он вернул, а часть я ему простил.

Сейчас с удовольствием вспоминаю те времена. То, что сейчас творится с ценой на икру, я просто не представляю. По моим понятиям не стоит она таких денег. Да и нет сейчас столько рыбы, сколько было еще лет двадцать назад. А кого здесь винить, кроме себя. Есть у природы свои пределы, в отличие от человека. Точно. Не стоит человеку ждать милостей от природы, после того, что он с ней сделал. Не буду приписывать себе эту фразу. Классическая компиляция. Первая часть фразы принадлежит Ивану Владимировичу Мичурину, а окончание неизвестному автору. Но суть ее очень даже правильная.

Забавные истории

За семьдесят лет жизни накопилась куча забавных историй. Некоторыми и хочу поделиться с читателями.

Наши спасители

Как-то после нашей свадьбы звоню супруге в школу, где она работала по распределению.

– Можно Веру Федоровну?

– А кто звонит?

С детства терпеть не могу, когда задают дурацкие вопросы. Не тебе же звонят! Каков вопрос, таков и ответ:

– Ейный хахель.

– А она замуж вышла.

– Как это вышла? А почему она со мной не посоветовалась?

– Да вот так получилось, и почему это она должна была с вами советоваться? – тебе-то какое дело?

– Ладно, тогда «зарэжу».

– Кого?

– Обоих! – и положил трубку. О чем дальше говорить?

Вечером мама Вера приходит с работы, пытливо смотрит на меня и спрашивает:

– Ты сегодня в школу не звонил?

– Да вроде нет.

– Не ври, кроме тебя, кто еще смог бы всю школу поставить на уши.

А в чем дело? Оказывается эта любознательная дамочка, с которой я разговаривал, осознавая всю свою гражданскую ответственность, озаботилась безопасностью нашей семьи, которую неизвестный маньяк приговорил к лютой кончине. Чтобы предотвратить смертоубийство, педагогический коллектив по инициативе этой дамочки решил обеспечить нашу охрану. А ведь сначала она обратилась для спасения нас в милицию, но там ребята оказались черствыми и не бросились на нашу защиту, у них хватило ума отослать эту дурочку подальше. Поэтому только дружный педагогический коллектив мог защитить нас. Мама, конечно, была растрогана, но сказала, что мы сами отобьемся. У нее с юмором было в норме.

Кровать

Как-то моя будущая жена, тогда ещё невеста, попросила помочь перенести кровать своей подруги из одного общежития в другое. Я по своей природной дурачности согласился, о чем горько пожалел с самого начала операции по депортации вышеуказанного предмета мебели. На помощь я взял какого-то собутыльника, и мы понесли эту мебелину. Расстояние по доставке было не очень большим, но, как назло, во время переноски на пути попало много знакомых. Причем при встрече мои знакомцы вели себя абсолютно неадекватно. Вместо того, чтобы порадоваться за меня, человека, который помогает девушке обустроить свой быт, все дружно ржали и рявкали на всю улицу, что Васятка теперь уже со своей кроватью ходит по бабам. Вот и делай доброе дело людям.

О смиренности

Даже не знаю, как это называть. Скорее всего, это забавные случаи. В поликлинике врачу не понравился мой анализ. На всякий случай он выписал мне направление в урологию областной больницы, куда я и поселился на следующий день. Почему-то персонал отделения проявил полнейшее равнодушие к моей персоне. Я лежал уже несколько дней, никто ко мне не подходил, никаких назначений на анализы и других действий принятых в медицинской среде не производилось. Отмечу, что в те времена о поборах в больницах не было даже мыслей. Наконец, мне это надоело, и где-то на пятый день моего пребывания я подошел к заведующей отделением. Я уже обращал внимание, что я человек не скандальный, скорее смиренный, поэтому самым елейным голосом спросил:

- Можно ли вам задать несколько вопросов?
- Конечно.
- Вопрос первый – зачем меня положили в больницу?
- Чтобы лечить.
- Вопрос второй – почему меня не лечат?

Она порылась в своих бумагах, чего-то нашла и сказала, что сначала нужно сделать анализы.

- Тогда третий вопрос – почему никто не берет у меня анализы?

И все. На следующий день я был на разрыв. С утра ко мне выстроилась очередь из желающих меня срочно исцелить. Мне сделали все мыслимые и немыслимые анализы, нужные и ненужные. К моей радости ничего не нашли и через несколько дней мы к взаимному удовольствию расстались. А если бы я начал скандалить, качать права, чем бы все это кончилось?

Хотя перед выпиской произошел один эпизод, который можно отнести к разряду небольшого скандальчика. В палате со мной лежал мужик, у которого была почечная колика. Легкий случай колики у меня один раз был, и я знаю, что это довольно противная штука. Этому больному в момент приступа лечащий врач прописывал обезболивающие уколы, и боль у него стихала. А тут вечер пятницы, лечащий уже дома, а дежурный категорически отказывал в помощи, мотивируя, что без лечащего врача он ничего делать не будет. Видя, как страдает мужик, я несколько раз подходил к дежурному, но без результатов. Наконец, и у меня лопнуло терпение. Не повышая голоса, но достаточно твердо я объяснил врачу, что я сейчас пойду к телефону автомату, наберу «03» и настою на вызове «скорой помощи» в областную больницу, чтобы помогли больному. Как вы будете выглядеть в понедельник, я могу только догадываться, но я не шучу. Вот и все. Этого хватило, чтобы они тут же созвонились с лечащим врачом, получили его благословение и кольнули бедолагу. Хороший бы получился анекдот, если бы я был вынужден выполнить свою угрозу?

Поиск пристанища

Эту историю мне рассказала дочь. Новогодняя ночь, после двенадцати двор шестнадцатизэтажки заполнен жильцами. Народ, поддерживающий китайскую индустрию фейерверков, с удовольствием пуляет в небо ракеты. Шум, грохот, веселье. Подъезжает иномарка. Выходит мужик и начинает спрашивать у всех, а не проживает ли в их доме Вова Мельников. Народу не до Вовы. Почти у всех в руках, кроме боеприпасов, бутылки и стаканы. Похоже, социолог-самоучка погорячился. Это ведь не село, где все друг друга знают, а вполне обычное подмосковное домостроение. Я сам в своем подъезде при пяти этажах за двадцать пять лет не все фамилии выучил. Наконец, мужику надоело выяснять проживание какого-то Вовы в этом доме, и он, открыв дверцу машины, закричал внутрь:

– Вова, проснись и посмотри сам, твой это дом или нет?

Образцовый пешеход

Сценка, свидетелем которой я стал. Автобусная остановка в лесу за чертой подмосковного поселка. Через дорогу, правее меня метров на двадцать такая же остановка. Из леса выходит песик с явным намерением по своим собачьим делам перейти на нашу сторону дороги. Будучи хорошо воспитанным, он не кидается через дорогу, а не торопясь, идет мимо полотна к пешеходному переходу. Остановившись перед знаком «Переход», он смиренно выжидает, когда можно будет, не нарушая правил дорожного движения, перейти магистраль. Не менее хорошо воспитанные водители,двигающиеся в обеих направлениях, также останавливаются перед зеброй. Песик, ласково помахивая хвостиком, неспешно осуществляет этот переход и скрывается в лесу. Все-таки приятно иметь дело с воспитанными людьми и зверюшками.

Твердость духа

Где-то на четвертом году супружеской жизни у меня состоялся знаменательный разговор со своей благоверной. Я задал ей вопрос:

– Я стал хуже после женитьбы?

– Да нет, такой же раздолбай, каким и был.

– Тогда чего ты пытаешься меня исправить? Я прекрасно знаю, что ты права, но никогда этого не признаю, потому как мушкетер. Ты мне хоть раз чего-нибудь доказала?

– Да нет.

– Так и не пытайся.

И все. Моим делом было давать ей указания, а вот выполнять их или нет, она решала сама. Меня это вполне устраивало. Не буду же я соваться в бабские дела. Кстати, ее подруг тоже немного удивляло, что из этого шалопаю получился вполне приличный муж.

Так и прожили 34 года в мире и согласии. Правда, был один эпизод, когда мы в кровь разругались и не разговаривали друг с другом целых семь минут. Она сдалась первой, а я был готов играть в молчанку еще минут десять. Все-таки у мужиков твердость духа выше.

Профессионалы. Рабочие

Иваныч

По-настоящему я понюхал производство, когда перешел с Опытного завода в цех синтеза аммиака. Получилось так, что я перепрыгнул три ступени в производственной иерархии, поэтому пришлось поднапрячься, чтобы хоть как-то сравняться с операторами и машинистами цеха. Одно хорошо, что персонал был очень квалифицированный, и у меня не было особой необходимости вмешиваться в процесс. Поэтому я больше спрашивал, чем отвечал. До сих пор не стесняюсь спросить что-либо у рабочих, а тогда тем более. Процесс синтеза аммиака требовал большого уважения к себе. Давление 320 атмосфер¹⁵, водород, температура в реакторе – полтысячи градусов. Полистал литературу по процессу, лез во все дыры и через пару месяцев, я думаю, что сравнялся по знаниям со старшими операторами, а в чем-то начал их и превосходить. Все-таки технолог цеха.

В целом ко мне рабочие относились неплохо. Подсказывали, как лучше. Но была группа мужиков, которые постоянно доставали меня. То не так, се неправильно. Да вот это надо так сделать. Если быть точным, постоянно трепали мне нервы. А с другой стороны, когда наступал волнующий момент распределения дополнительных ежемесячных премий, то мне приходилось ставить их во главе списка. По работе к ним претензий не было, а придумывать промахи было как-то неприлично. Так и шло дело – они треплют мои нервы, а я им в конце месяца за это премии.

А теперь про Иваныча. Среди моих доставальщиков он был лидером. Но вот этот эпизод моей карьеры я до сих пор вспоминаю. Меня угнали в командировку. Слава Богу, что я перед ней провел все положенные инструктажи с записью в карточки по технике безопасности. Рутинная операция – подключение к системе фильтра осушителя продуктового газа после регенерации, опрессовка рабочим давлением. На 160 атмосферах начал пропускать воздушник, предназначенный для сброса газа при ремонтах. Как положено по инструкции, оператор отключил фильтр от системы и попытался обтянуть вентиль. Так как сил у девочки -оператора не хватило, то она позвала на помощь мужчину. Тот оказался посильней, но и его попытка обтянуть была неудачной. И вот, во время обтяжки корень вентиля отрывается, и водород под давлением 160 атмосфер вырывается наружу. А надо отметить, что если все порядочные газы при дросселировании¹⁶ охлаждаются, то водород, имеющий отрицательный дроссель-эффект, наоборот разогревается до температуры вспышки. Что и произошло по всем канонам физики. Оператор превращается в живой факел и несется по машзалу. Вот здесь Иваныч и показал себя. Бросившись наперерез факелу, он подножкой свалил его на пол и бросился сверху тушить своим телом. Ожоги у обоих были обширными, но не глубокими, поэтому один через неделю, а второй через три вышли на работу. Если бы не мгновенное решение Иваныча, то вполне могли и потерять человека. Так что, если до этого случая я без удовольствия включал его в список на премию, то после стал это делать с удовольствием.

¹⁵ Давление 320 атмосфер в химической технологии считается средним. При производстве полиэтилена высокого давления в процессе создается давление от 1000 до 3000 атмосфер. Давление в канале пушечного ствола при выстреле – 600 атмосфер.

¹⁶ Дросселирование – понижение давления газа или пара при протекании через сужение проходного канала трубопровода, либо через пористую перегородку.

Рева

Я много слышал хорошего в адрес бригадира ремонтников насосно-компрессорного оборудования Рева. Имя не помню, потому что для всех он был просто Рева, кавалер ордена Ленина. Впервые я с ним столкнулся на втором году работы в цехе синтеза. Раз в два года была необходимость в капитальном ремонте наших компрессоров, и он появился, когда мы остановили очередной на плановый ремонт. Мужичок ростом метра полтора с кепкой, да еще если подпрыгнет. Спросил, где поставить рабочий верстак с инструментом. Через пару часов появился с тремя пацанами, не старше двадцати пяти. Ну все, понял я, с такими силами компрессор простоит в ремонте не меньше двух месяцев, а то и три. Обычные бригады ремонтировали в пределах месяца, да и состав их колебался от десяти до пятнадцати человек.

Через два дня к моему удивлению этими малыми силами компрессор был полностью раскидан. Появилась вторая группа. Тоже три человека. Они быстро провели испытания деталей. Ультразвук, магнофлекс¹⁷, реставрация трущихся поверхностей. На все это ушло неделя. В начале второй на компрессоре уже трудилось до двенадцати человек, и к концу ее компрессор был пущен с первого пинка. После этого я понял, что были в те времена люди, которые получали ордена не только за правильную болтовню на собраниях. Мы с ним подружились, и я всегда искренне радовался, когда заполучал его бригаду на ремонт.

А теперь расскажу байку про эту легендарную личность. Не буду ручаться за ее достоверность, но мне рассказывали ее разные люди. Строительство комплекса ароматики¹⁸ в Уфе было большим делом. Курировал стройку сам башкирский генсек Шакиров. В пусковой период проводились ежедневные оперативки с его присутствием. Случилась одна заковыка. Шефмонтаж французов упорно не принимал центровку насосов. На прорыв бросили Реву. Идет оперативка. Вопрос:

- Когда сдадите центровку?
- Надо спросить у Рева.
- А где он? Найти немедленно!

Нет Рева. Начали искать. Носились по всей площадке. Не могли найти. Перерыли все и только в дальнем конце стройки, в вагончике поисковики, наконец, обнаружили пропажу. Описываю жанровую сцену. Вагончик, стол, на столе стоят пустые бутылки. Посередине стола щекой в тарелке с салатом мирно поживает Рева. Напротив него сидит французик, чуть более трезвый, чем наш герой, гладит Реву по лысинке и что-то ласково лопочет не по-нашему. Увидев эту умильную картину, гонцы с чистым сердцем пошли докладывать начальству, что приемка центровки успешно завершена.

¹⁷ Магнофлекс – метод магнитной дефектоскопии, в данном случае метод магнитной суспензии, основанный на выявлении изменений в распределении магнитного потока, вызываемых дефектами в металле, которые возникают под ними в процессе или после намагничивания изделий.

¹⁸ Комплекс по производству ароматических углеводородов – бензола, толуола и т.д.

Резьба Витворта

Работал я в то время технологом на заводе аммиака в цехе синтеза. Понадобились мне шпильки для колонны синтеза. Дело обычное, пишу заказ и еду на РМЗ¹⁹, который входил в состав нашего комбината. Дело было где-то в середине апреля. Начальник цеха без звука принимает заказ и обещает к двадцатому исполнить его. Я радостно заявляю, что, значит, в конце недели можно подъехать. И тут он меня огорошил, что двадцатого, но не апреля, а мая. Я немного возмутился, что здесь делов-то – выточить шестнадцать шпилек диаметром 160 миллиметров, длиной метра полтора и весом не больше двухсот пятидесяти килограммов.

– Ты, конечно, прав, что дела здесь дней на пять, но ты не учишь того фактора, что человек, который это может сделать, уже запил. Пить он будет все майские праздники с учетом дня Победы. Числа двенадцатого мая он выйдет на работу, и ему понадобится дня три на отходняк после такого веселья. Вот после этого он и выполнит твой заказ.

Меня несколько удивил такой подход к делу. А чего вы его на работе держите, и почему нельзя отдать наш заказ другому токарю? Ответ был прост, как три копейки:

– А где я тебе во всей округе найду второго человека, который может делать резьбу Витворта²⁰?

Других вопросов я не задавал и действительно двадцатого мая получил тепленькими мои шпильки. Были же времена асов-спецов. Я знаю, что на двадцатитысячном комбинате работало почти шестьсот сварщиков высочайшей квалификации, имевших допуск на сварку категорийных трубопроводов. Но только два из них могли варить специальными электродами чугуна. Это были асы среди асов. А сейчас даже на канализацию сварщиков нужно поискать. Недавно в Астрахани две недели искали токаря на изготовление рядовых шпилек и так и не нашли. Зато экономистов и юристов, как собак нерезаных.

¹⁹ РМЗ – ремонтно-механический завод.

²⁰ Резьба Витворта – стандарт трубной резьбы, применяемой в трубных соединениях, основанный на дюймовых стандартах, разработанных в Великобритании.

Александр

Мы с ним были знакомы чисто шапочно – знали, как друг друга зовут, при встрече здоровались. Он работал бригадиром монтажной бригады в строительном управлении Астраханьгазпрома. А я в это время перешел в Тольяттинское монтажное управление на почетную должность прораба. Мое руководство из Тольятти постоянно напоминало, чтобы мы подбирали местных монтажников. Я как-то при встрече сделал ему предложение, но он отказался. А через пару месяцев сам подошел с просьбой о переходе его бригады к нам. На старой работе их начали обижать с зарплатой. Я с удовольствием принял их к себе. Бригада полноценная, три классных сварщика, аттестованных на все виды сварки, пара слесарей монтажников и сам бригадир Александр, газорезчик.

Ребята, командированные из Тольятти, несколько ревниво наблюдали за бригадой. Это были по их понятиям мои люди. Работали они не хуже других, но особо с основным ядром участка не сходились. Меня монтажники за спиной ласково называли Пиночетом. Причина была проста. Я достаточно сурово расправлялся с любителями испить водочки. Первый раз попавшимся я твердо заявлял, что они не правы, с поминанием всей их дальней и близкой родни. При втором попадании я заставлял их написать заявление на увольнение без даты. А на третий раз я ставил дату на готовом заявлении. Заявления без даты хранил ровно год, по истечении означенного срока рвал его на виду у провинившегося или доверял им самим выполнить эту приятную процедуру.

Где-то на пятом месяце работы у меня утром подходит ко мне Александр с просьбой шибко меня озадачившей:

– Петрович, дай червонец, помираю.

С виду не пьяный. Начинаю выяснять, с чего бы помирать вздумал.

– Ну, я же вчера выпил в поезде.

Мы действительно вчера в рабочем поезде выпили по паре стаканов вина. Еще не наступил Горбачевско-Лигачевский террор русского народа, но на строительстве был сухой закон. И на станции армянские проводники приторговывали этим незамысловатым пойлом. Для здоровых мужиков пара стаканов вина и выпивкой-то назвать сложно. Все расходились вполне трезвыми. С чего здесь помирать?

– А ты что, вчера добавил?

– Да нет. Мне и двух стаканов хватило. Дай червонец.

Я, как знаменитый Энди Таккер из бессмертного произведения О’Генри, произношу пламенную речь о вреде пьянства и тем более опохмелки. Как я буду выглядеть перед другими членами участка, если позволяю нарушение трудовой дисциплины своим? И мне сложно будет требовать от остальных. Саша согласно кивал, мол, да, действительно нехорошо, но в завершении моего монолога опять:

– Петрович, дай червонец, помираю.

Три моих следующих монолога заканчивались одинаково. Он соглашался и повторял свою заветную фразу.

Я был вынужден сдаться. Дал ему деньги с твердым условием, что бутылку он принесет мне. Условие он выполнил. Я ему плеснул соточку, а остальное убрал в сейф. После обеда он убедил, что ему для поправки нужна еще одна соточка и на этом остановился. Так продолжалось ровно неделю. Причем я совершенно точно знал, что других добавок у него не было. Я жил с бригадой в одной комнате. У меня вечерами всегда была какая-либо работенка с бумагами. Они играли в картишки. Никаких поползновений с его стороны я не наблюдал. С виду – трезвый, а утром – опять заветная фраза. Я потом выяснил у него, где он подсел на стакан. Ответ

простой: да он же прошел все северные трассы. А там чем, кроме водки, можно заняться? Без семьи, в глуши.

Отмечу, что его бригада на монтаже была на равных с остальными бригадами. Не лучше и не хуже. Но вот когда я с ними вышел на трассы газопроводов, я понял, что такое настоящий трассовик. Они были на голову выше остальных бригад. Здесь я наблюдал высший пилотаж Александра как газорезчика. Вот пара примеров. Есть такая операция, которая называется захлест. Гонят трассу кусками с разных сторон. А в конце стройки нужно соединить все разрозненные участки в одну трубу, причем стык требовалось подготовить с филигранной точностью. Зазор ровно два с половиной миллиметра – ни больше, ни меньше. Стык просто не пройдет гамма-дефектоскопию²¹, придется его вырезать и вставлять другой кусок трубы. И здесь ловить уже два зазора. Классная трассовая бригада такую операцию делала в лучшем случае весь день. И вот предстояло выполнить захлест. Понаехало начальство. Все стоят на бровке траншеи дружно орут: «Давай, давай!» – хочется быстрее отрапортовать. Саша абсолютно невозмутимо, несмотря на призывы, ровно три часа вымерял трубу с помощью своих приспособлений. После этого двумя резами подготовил стык. Результат, когда свели два конца трубы, получился как в аптеке. Ровно два с половиной миллиметра. Мы просто дружно поаплодировали.

Это был класс. Его знали все руководители соседних трассовых управлений. К нему приезжали домой с предложением подшабашить. Он никогда не отказывался. Работал он вахтами 15 на 15. Его график знали все руководители трассовиков. Платили за захлест 50 рублей. Как-то предложили ему выполнить на восьмисотке семь захлестов. Рассудили, что за неделю он все сделает. Щас. Начал он в восемь утра и на следующий день к обеду закончил. Получил за полтора дня месячную зарплату и остался доволен, как и все остальные.

В начале девяностых мы разбежались. Изредка с частотой один раз в год он отпускал тормоза, потом завязал напрочь, но иногда позволял себе только кружку-другую пива. Ушел он до пятидесяти. Сказались его переборы. Здоровье было все-таки подорвано. Сердчишко не выдержало.

²¹ Гамма-дефектоскопия – метод обнаружения внутренних дефектов сплошности металла в сечениях от 300 мм с помощью радиоактивных изотопов, испускающих гамма-излучение, которое обладает большой проникающей способностью..

Юра и Паша

Мой белорусский приятель попросил изготовить установку для гидростабилизации мазута. Для этого он переправил мне из Москвы кавитационный генератор²² и трехвинтовой насос. Все остальное я должен был подобрать сам. Остальное включало в себя типовой мазутный фильтр, вентили, задвижки, трубы и так, кое-что по мелочам. Было высказано пожелание сделать установку мобильной и компактной, чтобы возить ее на испытания бортовой «Газелькой».

Я с большой охотой принялся за дело. Лишний заработок еще не повредил ни одному мужику. А учитывая, что у заказчика важным пожеланием была указана работоспособность установки, а как я ее сделаю – из новых деталей или бывших в употреблении – его не волновало, то мой энтузиазм еще больше подогревался.

Я заглянул в мастерскую к коммунальщикам и в принципе договорился, что они сделают мой заказ. Цена, запрошенная ими, меня вполне устраивала. После этого я вплотную занялся комплектацией установки. Быстренько собрал почти все. Уперся только в мазутный фильтр. Покупать новый за 35 тысяч было очевидной расточительностью. Но я нигде не мог найти бэушный. Сборщики металлолома потрудились хорошо. Наконец, в одной котельной на окраине Астрахани я увидел останки этого фильтра. Они валялись около мастерской при этой котельной. Поговорил с ребятами из мастерской о возможности реанимации этого аппарата, и они согласились мне его восстановить.

Так я познакомился с Юрой и Пашей. Юра был спецом по металлообработке. Работал на всех станках, какие были в мастерской. А Паша был монтажником трубопроводов, на хорошем уровне варил трубы, а также выполнял всю прочую слесарную работу.

Я обратил внимание на кучу всяких деталюшек, лежащих под навесом. Валялись какие-то запчасти от автомобилей, груша от бетономешалки, шкивы. На мой вопрос – для чего этот металлолом здесь валяется, мне разъяснили, что я глубоко заблуждаюсь. На самом деле это комплектующие детали к бетономешалкам, которые они серийно изготавливали для друзей с Кавказа, занимающихся изготовлением тротуарной плитки. И на их продукцию очень высокий спрос, и на несколько месяцев вперед у них расписана очередь.

А причина популярности их продукции была следующая. Груши они варили из бросового металла. А вот механику они разработали сами. Электропривод на 220 вольт от выброшенных стиральных машин Вятка, к груше приделывали зубчатый венец с бендиксом²³ от «Запорожца» – и все. Эта конструкция работала безотказно годами. В магазинах эти зубчатые венцы продавались сделанные из пластмассы. Такие разработал автор, видимо, больной на голову. Выглядит красиво, только работает неделю-другую.

Выслушав эту историю, я понял, что с этими ребятами я быстрее сварю кашу. Сбежал к коммунальщикам и аннулировал заказ. За ту же цену ребята согласились мне все сделать в разумные сроки. И начали мы с ними работать. На второй день мне стало ясно, что не ошибся. Я им обрисовал, что мне надо. Сделал изометричку схемы. Они тут же ее раскритиковали и предложили другой вариант. Большинство моих предложений они не то, чтобы отвергали, но показывали другое решение, которое, в конечном итоге, оказывалось лучшим. Я не говорю о том, что всю мелочевку по комплектации они решали сами.

Ближе к завершению работ я высказал пожелание, что нужно что-то придумать, чтобы при погрузке и выгрузке нашего агрегата обходиться без автокранов.

²² Кавитационный генератор – устройство, формирующее пузырьки газа в веществе, за счет которых возникает выделение тепла.

²³ Бендикс – один из основных элементов стартера, устройства, раскручивающего вал двигателя для запуска.

– Петрович, сделаем. От тебя только четыре колесика с рынка, метров 20 тонкого троса и шкивок.

Колесики я привез и через два дня к моей «Газельке» уже были пристроены два зафиксированных швеллера. У переднего борта стояла конструкция, к которой была приделана ручная лебедка, и с ее помощью один человек мог скатить и закатить назад наше сооружение.

Меня огорчало только одно. Мой агрегат, который я гордо именовал установкой гидростабилизации мазута, они почему-то называли «бурбулятором». Но с другой стороны, потом на испытаниях, куда бы я ни приехал, всегда задавали один и тот же вопрос:

– Это что за «бурбулятор» вы привезли?

Я все время ждал от них вопрос про аванс. Не дождался, спросил сам:

– Давно уже не встречал рабочих, которые даже не поинтересовались авансом.

Ответ прост:

– Ты нам железок завез тысяч на сто. Тебе будет намного дешевле рассчитаться с нами, чем потерять их.

Простенько и абсолютно верно. Поэтому, когда после опрессовки «бурбулятора» я выдал им полный расчет, то сделал ещё одно предложение:

– Я соскучился по работе с нормальными мужиками, которые сначала дело делают, а потом берут заработанное. Не будете возражать, если я от себя накрою поляну?

Не возразили. Я не поспешил на качественное питье и хорошую закуску. И вот сидят три мужика, никуда не спешат, под рюмочку ведут умные разговоры с осознанием хорошо выполненной работы. Недовольных нет. Даже некого материть. Ну, скажите, что еще русским мужикам надо?!

Грустно, что уходят профессионалы, а замены им не вижу. Десятилетиями не готовят сварщиков. На металлообработке в оставшихся цехах ни одного молодого лица. В Подмосковье на раскрутившемся заводе не могут найти слесарей и станочников за зарплату 2-3 тысячи долларов. Институты штампуют непонятно что, да и на восемьдесят процентов за взятки.

Немного порадовала одна история. Был на испытаниях в одном среднерусском городишке. Там запустили мини заводик по переработке нефти. Оборудование вполне приличное. Не самовар кавказского разлива. Автоматика, видеонаблюдение за оборудованием. Поразило, что персонал был очень молодым, даже пару ребят еще в армию не сходили. Старшие операторы были просто асами. Было приятно наблюдать за ними. Все действия разумные, толковые. Смотрел видеозапись возгорания в насосной и действия оператора. Начальство мне его показало и задало вопрос, как наказать машиниста. Мое мнение было абсолютно противоположным. Его не наказывать надо, а хорошо поощрить. А этот видеосюжет сделать учебным пособием. На экране было видно, что парень, зашедший в насосную, в доли секунды сделал все правильно, отключил на автопилоте все, что нужно, врубил сирену и начал тушить огонь. Выяснил, кто их так натаскал. Да, был старый инженер, работал начальником цеха на пуске. Потом его подвели. Его место глянулось какому-то блатному. Кто будет учить новых операторов не ясно. Кругом одни менеджеры и "секьюрити".

Профессионалы. Русские инженеры

Написал рассказ про профессионалов-рабочих. Но в моей жизни встречалось множество талантливых инженеров. И мне захотелось написать и про них.

Саша Щучкин

В Томск я приехал по вызову на должность начальника строящегося производства метанола. До начала строительства было еще далеко, не было даже документации, поэтому и штат производства был минимальным. Я и старший механик производства Саша Щучкин. Он приехал раньше и успел получить квартиру в доме для будущих строителей химзавода. Я к заселению этого дома запоздал, но получил гарантии от руководства, что получу квартиру в следующем доме. Поэтому я, не раздумывая, поменял свою двушку в Салавате на двушку в Томске с меньшими удобствами. И по чистой случайности моя квартира оказалась в нескольких сотнях метров от дома, где расселили химиков.

С Сашей мы сошлись быстро. Нормальный толковый мужик, родом из Белоруссии. Успел поработать на «Пластполимире» в Новополоцке. Его дочь Иришка была немного старше моей Ольги, и у них сразу же случился взаимный амур. Эту дружбу скреплял четвертый член семьи Щучкиных – хомячок. К сожалению, забыл, как его звали. Жены тоже быстро сдружились. Моей шибко нравилось, что Саша был абсолютно безразличен к горячительным напиткам. Для нее это было, признаюсь, актуальным. На моей предыдущей работе у меня был некоторый переизбыток энергичных собутыльников. А здесь их не оказалось под рукой, ну нет и нет, и не больно-то хотелось.

При вызове на работу директор твердо обещал мне, что я поеду в Англию на приемку оборудования. Обещал он мне с чистой совестью, твердо зная, что Москва меня не пропустит. Было совершенно жесткое требование: на приемку мог поехать только дипломированный инженер-механик. Поэтому через полгода Саша улетел с семьей в Лондон на приемку. А я продолжал работать и терпеть постоянные издевки хамоватого директора. Вернулся он в Томск через два года, а я в это время вел очередную битву с директором по увольнению с завода. Оказывается, я был ценным работником. Выяснилось это только тогда, когда я положил на стол заявление на увольнение. Не уволить меня он не мог, но тормознуть по партийной линии не преминул. А уезжать без партбилета – конец всей производственной карьере. Не скажу, что был большим карьеристом, но уменьшить количество руководящих дураков надо мной – такое желание было. Я не уступал, и меня сняли с учета только через десять месяцев после подачи моего первого заявления.

На мое место назначили Сашу. Я, честно говоря, смутно представлял, как он будет пускать этот метанольный агрегат, ведь он же инженер-механик. У меня за плечами было три года адской работы на салаватском аммиаке технологом цеха. Технологически полный аналог производства метанола. На тот момент это был самый мощный агрегат в мире. На валу ключевого компрессора была установлена турбина мощностью 46 тысяч киловатт. Вся энергетическая установка агрегата имела мощность 96 тысяч киловатт. На дымовых газах двух печурок конверсии вырабатывалось 400 тонн пара в час с давлением 100 атмосфер.

А Саша справился. Ему помогло простое правило: нужно делать все, как положено. Нужно было сделать правильную пуско-наладку. Нужно было скрупулезно охлопать сотни блокировочных уставок. Не сделав этого, можно было просто поднять на воздух не только завод, но и достаточно обширные окрестности. При том объеме органики и водорода, которые крутились в этом процессе, можно было получить такой взрыв, что мало не покажется. Я как-то смотрел фотографии английского завода по производству капролактама после объемного взрыва. Пейзаж в эпицентре Хиросимы был более оживленным.

Он оттянул пуск на месяцы. С регулярностью пару раз в неделю его увольняли с работы шустрые обкомовские балаболки. Его защищал директор. Хоть и был хамом, но он еще был и технарем. Он просто предлагал этим шустреньким занять Сашино место. Это срабатывало. Руководить желающих было много, а отвечать – не нашлось ни одного. Зато Саше было при-

ятно услышать на двадцатипятилетнем юбилее пуска, что эти постаревшие шустрячки в свое время успешно провели пуск агрегата. И второе, что его поразило. В операторной он не увидел ни одного нового лица. Были только те шестьдесят рабочих, которые перед пуском прошли четырехмесячную стажировку в Бирмингеме. О чем думают новые хозяева? За двадцать пять лет не подготовить ни одного нового оператора. А ведь их готовили на тренажерах, мало чем отличающихся от тренажеров для пилотов Боингов и Эрбасов. Дождутся, когда вымрут последние специалисты.

Немного отвлекусь. Что такое настоящая пуско-наладка, нам показали японцы. Первый большой агрегат аммиака строили в Северодонецке. Все до единой трубочки высокого давления для монтажа пришли из Японии, запаянные в полиэтилен. Лежало все это на складе. Ну, какой русский мужик, да и хохол пройдет мимо такого безобразия – все лежит открыто и запакованное. Надо срезать полиэтилен. Может быть, пригодится в хозяйстве. Приехавшие на шефмонтаж японцы покачали головами и заявили, что придется хорошо продувать все трубопроводы после монтажа. Наши не спорили: продувать, так продувать, тем более, продувка и нашими нормативами предусмотрена. Ну, подули пару деньков по завершению монтажа и пригласили японцев на приемку. Те на воздушнике установили полированную алюминиевую пластиночку. Выждали определенное время, потом глянули в микроскопчик. Результат – вы еще не продували, вон сколько рисок на пластинке. Еще недельку подули – результат тот же самый: вы не продували. Пришлось собрать всю ветродуйную технику, со всех городских предприятий собрать рабочих. Их загоняли на эстакады. Им платили по 10 рублей в день и зорко следили, чтобы не разбежались. И они в течение восьми часов во время продувки деревянными колотушками дубасили по трубам. Только на третьем месяце японцев устроил результат продувки. И это был единственный агрегат в Союзе, который многие годы четко работал свои положенные триста дней без единой аварийной остановки, после чего его в плановом порядке останавливали на ремонт и перегрузку катализатора.

А что наш герой? Он честно работал начальником производства. Были и проблемы, аварии. Причину вижу в том, что для рабочих нашли деньги обучить, а инженерный персонал – не посчитали нужным. Имею в виду начальников смен, простых технологов. А это же Сибирь, морозы. Так что были проблемы. И последнее, что произошло. В процессе были задействованы две колонны ректификации²⁴. Их габариты: диаметр 6 метров, высота 50 метров. Можете представить себе объемчик. И вот весь объем этого метанола вылился в обваловку. Его спасло то, что он в нарушение требования регламента заранее забил мешками с песком все трапы для слива в канализацию. И метанол не ушел в канализацию, а потом в реку Томь. Те тысячи пролившихся кубов могли сделать реку мертвой на сотни километров. И здесь Саша совершил серьезную ошибку. Все-таки он был механиком. Не зря в нашем институтском гимне были слова:

*«... Мы не чета, филологам пижонам,
механиков за пояс мы заткнем
и по халатам рваным и прожженным,
мы химиков повсюду узнаем».*

Его ошибка была в том, что на ликвидации аварии он лез во все дыры будучи в одном противогазе, нужно было работать в полном изолирующем костюме, как у военных химиков. Он не знал, что метанол имеет и резорбтивные свойства. Здесь я щегольнул чисто химическим термином: резорбтивный, значит, проникающий в организм через кожу. В результате сильнейшее отравление.

²⁴ Ректификация – разделение жидких смесей на практически чистые компоненты, различающиеся температурами кипения, путём многократного испарения жидкости и конденсации паров.

Врачи вытащили его с того света. Он несколько месяцев провалялся в больнице. Трижды весь коллектив цеха сдавал кровь, чтобы ему переливали без ограничений. Вот только из руководства завода не нашлось ни одного человека, чтобы заглянуть к нему в палату. Он действительно обиделся и швырнул директору заявление на увольнение. Его так же попытались придержать по партийной линии, но он наплевал на это. Вернулся в Белоруссию. Такими специалистами не разбрасываются, и его тут же назначили директором завода. Не помню точно, но, кажется, в пищевке. Потом он работал заместителем генерального директора «Белорускалия»²⁵. Вернулся в Томск за партбилетом через год. Ему помог секретарь обкома по промышленности. Нормальный вменяемый мужик. Естественно, он не стал предлагать ему вернуться на Химзавод, но предложил на выбор несколько вполне приличных должностей в области. Получив отказ, он не стал настаивать, а дал команду снять товарища Щучкина с партучета.

С наступлением кооперативных времен он быстренько спроворил цех по производству пива и начал зарабатывать приличные деньги. Но тратил их «неправильно». Никаких Мерседесов, коттеджей на три этажа, полетов к Южным морям. А тратил он их на разработку процесса под названием кавитация²⁶. В восьмидесятых мы не контактировали, кроме моего одного заезда в Мозырь. Потом снова лет десять изредка перезванивались. В начале нулевых мне понадобилась консультация по вопросу смешения метанола с моторными топливами. Ну, кто мог лучше подсказать, кроме него. Связались, получил ясные ответы на мои вопросы. На вопрос, чем занят, Саша ответил: кавитационными генераторами.

Я заинтересовался. Оказывается, кавитация, вредная для судовых винтов, в других сферах может быть очень даже полезной. Не стал Саша пивоваром, а вернулся к тому, что он всегда любил, стал инженером. Последние десять лет мы с ним начали плотно контактировать. Признавая его лидерство в вопросах кавитации, я так же с удовольствием подключался к его работам. Его разработки по гидростабилизации мазута можно применять везде. В котельных, ТЭЦ, на автономных асфальтовых заводиках, на судовых двигателях. Вы когда-нибудь видели не чадающий работающий асфальтовый завод? Такое можно увидеть только там, где завод работает на Шашином топливе.

Дело доходило до анекдота. Первая собранная им установка работала в Мозыре. Кто-то стукнул властям, что нехороший человек господин Щучкин разводит мазут водой, отчего имеет нетрудовые доходы. Пришли налоговики, прокурор, лаборатория. Намерения были совершенно праведные – ущучить гражданина Щучкина. На их глазах Саша запускает установку. Впрыскивает до 15 % воды в мазут, и отбирают два анализа – на входе и выходе из установки. Результат: в исходном образце воды оказалось больше, чем в образце на выходе с пятнадцатипроцентной добавкой. А в результате у котлов, работающих на гидростабилизированном мазуте, полностью отсутствует дым, до блеска очищаются трубки котлов, экономится до 10-12 % топлива.

А теперь я просто перечислю те процессы, которые возможно осуществлять с помощью гидродинамических кавитационных генераторов инженера Щучкина и те работы, которые выполнялись в течение последних лет:

1. Сгорело в топках котельных на сахарных заводах в Воронежской области 300 тысяч тонн гидростабилизированного мазута. Экономия не меньше 10 млн долларов. Затраты, включая зарплату персонала, от силы 500 тысяч долларов. Добавлю, что сожжено около восьми тысяч тонн шламов с обводненностью до 40 процентов. Их невозможно было просто поджечь газовой горелкой, а после кавитационной обработки сгорели за милую душу без пыли и дыма.

²⁵ «Белорускалий» – ныне «Беларуськалий» – белорусское предприятие, один из крупнейших в мире производитель калийных минеральных удобрений.

²⁶ Кавитация – физический процесс образования пузырьков (каверн) в жидких средах, с последующим их схлопыванием и высвобождением большого количества энергии в форме ударной волны, возникающий в результате внешних физических воздействий.

2. С помощью кавитатора он загнал в дизельное топливо 12 % воды, и эту воду не смогли обнаружить лаборатории ни Губкинского института²⁷, ни ВНИИНП²⁸ – законодателя мод во всей нефтепереработке. Результаты: прибор, определяющий цетановое число²⁹ зашкалил, он просто не был рассчитан на такое качество, резко снизилось количество вредных примесей в выхлопе, экономия 7-8 % топлива. Для интереса – Европа наметила многолетнюю программу по замене до 10 процентов нефтяных моторных топлив на этанол. А здесь, как в навязчивой рекламе, просто добавь воды, с тем же самым эффектом.

3. Весь мебельный щит, выпускаемый промышленностью необходимо обрабатывать водно-парафиновой эмульсией для повышения гидрофобности, другими словами, для увеличения влагостойкости. Ключевая характеристика этой эмульсии – минимальный размер парафиновых шариков. Германская фирма BASF, лидер в этой сфере разбивает парафин до 1,5 микрона. Цена оборудования – полмиллиона евро. Кавитатор Щучкина бьет парафин до 0,75 микрона (анализ делали сами немцы), и цена оборудования раз в пять меньше. В Подмосковье уже лет шесть успешно работает такая установка.

4. Я по заданию Александра участвовал в экспериментах по механокрекингу тяжелых углеводородов. Считаю, что были получены очень неплохие результаты. Выход светлых нефтепродуктов³⁰

²⁷ Губкинский институт – Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина.

²⁸ ВНИИНП – Всероссийский научно-исследовательский институт по переработке нефти.

²⁹ Цетановое число – характеристика воспламеняемости дизельного топлива, определяющая период задержки горения рабочей смеси, то есть промежуток времени от впрыска топлива в цилиндр до начала его горения. Чем выше цетановое число, тем меньше задержка и тем более спокойно и плавно горит топливная смесь.

³⁰ Светлые нефтепродукты – бензин, керосин, дизельное топливо. Мазут, битум, гудрон и другие непрозрачные вещества называются темными нефтепродуктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.